

История Калмыкии

Тепкеев В. Т.

**Установление русско-
ойратских отношений
в начале XVII в.**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Калмыцкий научный центр Российской академии наук

**ИСТОРИЯ КАЛМЫКИИ:
УСТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-ОЙРАТСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XVII в.**

Учебное пособие

Элиста 2022

ББК 63.3(2)46
УДК 94(47).045 + 94(47)046
И 90

Рецензенты:

Команджаев А.Н., доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»;

Батмаев М.М., доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

*Печатается по решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»*

Составитель: В.Т. Тепкеев

И 90 **История Калмыкии: установление русско-ойратских отношений в начале XVII в.** [Текст]: учебное пособие / сост.: В.Т. Тепкеев. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. – 88 с.

Учебное пособие включает в себя материалы лекций по обозначенной теме, оно может быть использовано при изучении курсов «История России», «История Калмыкии» для самостоятельной работы студентов и аспирантов, для лекционных курсов и практических занятий по истории Востока (Новое время) и истории номадов в высших учебных заведениях.

Адресовано обучающимся, преподавателям вуза, учителям и всем, интересующимся историей родного края.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Предпосылки откочевки ойратов из Центральной Азии в Западную Сибирь	7
1.1. Внутривполитическое положение ойратского общества к началу XVII в.	7
1.2. Внешнеполитическая ситуация в Центральной Азии накануне откочевки ойратов в Западную Сибирь	14
Глава 2. Установление русско-ойратских отношений в Западной Сибири в начале XVII в.	24
2.1. Первые посольские контакты ойратов с царской администрацией в Сибири	24
2.2. Русско-ойратские отношения во втором десятилетии XVII в.	39
2.3. Русско-ойратские отношения в период войны ойратов с Алтын-ханом в 1620–1623 гг.	58
2.4. Русско-ойратские отношения в 1624–1625 гг.	75
Источники и литература	84

Предисловие

XVII столетие представляет наибольший интерес в изучении исторического прошлого калмыцкого народа, предками которого были ойраты (западные монголы). Именно с этого времени начинается активная фаза перемещения улусов ойратских тайшей из Центральной Азии в степи Юго-Западной Сибири и далее в западном направлении, они начинают играть заметную роль в международных отношениях. Начальный процесс политической интеграции ойратов в состав российского государства был весьма длительным и сложным. Учебное пособие «История Калмыкии: установление русско-ойратских отношений в начале XVII в.» имеет своей целью дать соответствующие современному уровню развития исторической науки знания в области истории ойратов, а именно – показать причины миграции ойратов из Центральной Азии на территорию Западной Сибири установления русско-ойратских отношений в начале XVII в.; оценить характер русско-ойратских отношений, а также политику Московского государства в отношении кочевого народа в начале XVII в.; ознакомить с политическими событиями ойратской истории, особенно с теми, которые еще не нашли достаточного отражения, или же связанные с ними проблемы, которые до сих пор остаются дискуссионными; а также сформировать у студентов навыки критики исторических источников и их применение в профессиональной деятельности. В рамках каждого раздела определены свои исторические рубежи, которые учитывают этапы в истории русско-ойратских отношений начала XVII в. Нужно отметить, что учебное пособие «История Калмыкии: установление русско-ойратских отношений в начале XVII века» – это первое пособие подобного характера, которое дает краткий экскурс в изучение целого ряда вопросов по истории Калмыкии.

Данное пособие может использоваться и как материал к лекционному курсу и практическим занятиям, так и для самостоятельного

изучения дисциплины. Множественность тем позволяет составлять на основе данного учебного пособия авторские и специальные курсы. Структура пособия включает в себя следующие разделы: предисловие, две главы о предпосылках откочевки ойратов из Центральной Азии в Западную Сибирь и об установлении русско-ойратских отношений в Западной Сибири в начале XVII в., список использованных источников и литературы.

Глава 1.

Предпосылки откочевки ойратов из Центральной Азии в Западную Сибирь

1.1. Внутреннее положение ойратского общества к началу XVII в.

Ойраты к началу XVII в. не представляли собой нечто устойчивое и этнически однородное. Сами ойраты называли себя *дурбэн-ойратами* (букв. «четыре ойрата»). Подобно другим кочевым народам, ойраты имели сложную и широко разветвленную родоплеменную структуру. Всех их объединяла традиция единого генеалогического древа и власть наследственных правителей, стоявших во главе родоплеменных ополчений и собственных военных дружин, которые жили только воинским делом. В ходе дальнейшей эволюции социально-политической структуры ойратского общества происходило его движение к объединению в более крупные коллективы – «улу-сы» и «аймаки», в основе общности которых лежали уже не кровнородственные, а социально-политические и территориальные связи. Тенденции к политической интеграции у кочевых народов связаны с различными факторами.

На рубеже XVI–XVII вв. ойратское общество представляло собой уже не рыхлый союз родоплеменных образований, а политический союз, куда входили пять крупных этнополитических объединений: хошутов, торгутов, дербетов, джунгаров и хойтов. Это были разросшиеся родоплеменные объединения, каждое из которых имело свою родовую структуру и управлялось собственным независимым правителем. Эти объединения с течением времени поглотили и растворили в своем составе многие прежние родоплеменные группы средневековых ойратов, проявив себя как своеобразный этнообразующий фак-

тор. Тем не менее, помимо них, некоторые старые племенные общности еще продолжали сохраняться.

По мере усиления позиций хошутских, торгутских, джунгарских и дербетских князей в политической жизни ойратского общества племенные объединения хойтов, баатутов и баргу-бураатов оказались оттеснены на второй план, а некоторые из них перестали существовать как единое целое. Например, хойты и баатуы вскоре утратили свое значение в политической жизни ойратов. Значительная часть хойтов попала в зависимость к дербетским князьям и перестала играть заметную роль в событиях XVII–XVIII вв. Другая их часть в ходе длительных войн с монголами оказалась под властью монгольских князей. Такое их положение было юридически закреплено на съезде монгольских и ойратских князей 1640 г.

Среди вышеперечисленных этнических компонентов складывавшейся ойратской народности только хойты, баатуы и баргу-бурааты были по происхождению связаны с родоплеменными группами древних ойратов Восьмиречья. Эти племенные объединения еще в первой трети XVII в. были поглощены более крупными и мощными ойратскими и монгольскими владениями и с течением времени, за исключением хойтов, совсем перестали упоминаться в источниках.

Племенные объединения торгутов и хошутов появляются в составе средневековых ойратов Монголии в XV в. Можно предположить, что часть выживших после войны с Чингис-ханом керейтов в дальнейшем объединила вокруг себя остатки различных древнемонгольских племен и, консолидировавшись в новую этнополитическую общность, выступила на арену истории под названием *торгутов*. Хошуты, получившие свое название якобы от Тогона-тайши, первоначально являлись частью так называемых «монголов Трех гарнизонов», т. е. трех северо-восточных военных округов Минской империи, основанных в 1389 г. на восточных склонах гор Большого Хингана минским императором Хун-у для охраны границы Китая. Династия хошутских тайшей возводила свое происхождение к младшему брату Чингис-хана – Хабуту Хасару. В ойратском сочинении неизвестного автора середины XIX в. сообщается о том, что один из потомков Хабуту Хасара откочевал со своими людьми на запад к ойратскому

Тогону и отдался под его покровительство, за что тот, выдав за него замуж свою дочь и сделав его своим зятем, поселил его в своих владениях.

Ойратские этнополитические объединения включали в себя как родственные, так и неродственные родоплеменные группы. Доминирующую роль в управлении этими образованиями играл возвысившийся над прочими родовыми подразделениями какой-нибудь отдельный род, как, например, аристократический род *Цорос* (*Чорос*) у джунгаров и дербетов, род *Йэкэ Мингган* у хойтов, род *Кереит* у торгутов и род *Галгас* у хошутов. Таким образом, в ойратском обществе представители аристократических родов и кочевой знати, составившие особое привилегированное сословие, заняли высший наследственно-замкнутый слой общества.

Для ойратских правителей огромное значение имели личные качества и способности, в том числе военные или административные таланты. Признанием этого служили обладание ими высшими титулами знатности («сэцэн», «мэргэн», «өрлök», «баатур», «дайчин», а позднее «тайджи», «тайши» и «хан»), что обеспечивало ему определенный общественный статус. Но это не исключало возможности захвата, узурпации и закрепления за собой таких же прав другими соперничавшими с ним представителями правящего рода. Как результат, имели место частые случаи перераспределения власти внутри ойратского общества. Отношения между отдельными членами знатных ойратских семей были чрезвычайно конфликтными, а баланс сил между различными ойратскими улусами и группировками весьма неустойчивым и неопределенным. Это вызывало междоусобные войны как между крупными этнополитическими объединениями, так и внутри каждого из них.

Правители улусов, опираясь на мощь своих владений и поддержку родственных групп, а также более многочисленную дружину, могли сплотить вокруг себя и подчинить своей власти не только правителей своего улуса, но и нойонов из других улусов, примкнувших к нему в качестве союзников или вассалов. В случае смерти или поражения доминирующего правителя конгломерат различных родоплеменных подразделений, находившихся под его властью, легко рассыпался.

Более того, еще при его жизни зависимые от него союзники или вассалы в случае изменения в худшую сторону его положения в ойратском обществе могли переметнуться на сторону его противников, сделавшись его врагами, и откочевать на новые территории.

Развитие скотоводства было невозможно без ввода в хозяйственный оборот дополнительных кормовых угодий. Естественный рост поголовья скота, особенно в крупных хозяйствах, приводил к такому положению, когда старые пастбищные территории оказывались недостаточными, а пастбищные резервы полностью использованными. По мнению И.Я. Златкина, «отсутствие свободных земель внутри ойратских владений толкало их правителей на путь взаимной борьбы и внешней экспансии. Военные неудачи в борьбе вели к дальнейшему сокращению пастбищных территорий, что в свою очередь обостряло внутреннюю межфеодалную борьбу, обессиливавшую как ее непосредственных участников, так и ойратское общество в целом».

Все это усложнялось и процессом дробления улусов внутри каждого этнополитического объединения. Согласно существовавшему традиционному порядку наследования, каждый большой или малый правитель еще при жизни делил доставшийся ему наследственный удел между своими многочисленными сыновьями и, следовательно, должен был выделить каждому сыну в качестве его доли в наследстве определенное количество кибиток или улусных людей. Это приводило к измельчанию отдельных некогда крупных и многочисленных этнополитических объединений и падение их политической мощи. Они становятся легкой добычей для своих более могущественных соседей. Так произошло с улусами хойтских, баатутских и баргу-бураатских князей.

Многочисленные ойратские владения были не зависимы друг от друга и никому не подчинялись, кроме стоявших во главе их наследственных правителей. Убедительную характеристику внутренней обстановки, сложившейся к концу XVI в. в ойратском обществе, дал Ю. Лыткин: «По смерти Есены, главы Чоросского дома, ойраты принуждены были отказаться от влияния на дела монголов и ограничить круг своих действий пределами собственных владений. У них были те же следствия, как и в Монголии: владельцы поколений не оказы-

вали должного уважения Чоросскому дому, первенствовавшему на Ойратском сейме, и следовали своим личным интересам; редко и подвластные им нойоны руководились тем же. Образовалось множество владельцев, которые самостоятельно и независимо распоряжались в своем улусе, отнимали друг у друга улусы, увеличивали свои силы и снова падали перед сильнейшим; лишь только в общих делах, касавшихся всех ойратских поколений, они соединялись вместе».

С середины XVI в. у ойратов наметилась и получила дальнейшее развитие тенденция к новому объединению в рамках Ойратского союза — военно-политического объединения западномонгольских племен. Такие племенные объединения кочевников не всегда формировались на добровольной основе. Угроза потери самостоятельности и борьба с халха-монголами за обладание пастбищными территориями в Центральной и Западной Монголии побуждали ойратских правителей координировать свои действия перед лицом общей опасности. В этих условиях возрастала роль такого политического института Ойратского союза, как съезды князей («сеймов»). По мнению И.Я. Златкина, частые войны и связанное с ними длительное политическое и хозяйственное напряжение сделали необходимыми периодические съезды («чулганы», или «хуралы») владельцев князей и вызвали к жизни институт «чулган-дарги» (руководителя, председателя чулгана), в задачу которого входило согласование действий владельцев князей. Лицо, занимавшее должность чулган-дарги, было всего лишь выборным «согласователем».

Как показывают китайские источники, ойраты, воспользовавшись борьбой за власть среди восточных монголов, посчитали, что «пришло время освободиться от монгольского владычества и гнета» и «объединив свои силы и помыслы, гарантировать себе спокойную жизнь и благополучие». Для этого влиятельные князья всех ойратских этнополитических объединений собрались на съезд и приняли решение возродить древний обычай созывать такие съезды и впредь для урегулирования внутренних противоречий и обеспечения объединения сил и взаимной помощи в борьбе с восточными монголами. Поскольку хошутские князья были потомками младшего брата Чингис-хана Хабуту-Хасара, то ойратские князья, считая, что он бу-

дет пользоваться влиянием у монголов, выбрали председателем дурбэн-ойратского чуулгана хошутского предводителя Бубэй-мирзу». В «Илэтхэл шастир» указывается, что у хошутов «достоинство ханское наследуется» от Бубэй-мирзы. Представители правящей хошутской династии (Бубэй-мирза, Ханай-нойон Хонггор, Байбагас-баатур и Очирту Цэцэн-хан) более века стояли во главе Ойратского союза. Хошуты в это время были наиболее сплоченным и многочисленным этнополитическим объединением среди ойратов.

У хошутского Ханай-нойон Хонггора от старшей жены Ахай-хатун родилось пятеро сыновей, в дальнейшем известных в ойратской истории и прозванных «Пятью барсами» («Табун барс»). Из них наиболее известны Байбагас-баатур, Торубайху Гууши-хан и Дургучи Кунделен-Убаши. Ввиду малолетства сыновей Ханай-нойон Хонггора среди ойратских князей не оказалось другого авторитетного правителя, подобно ему способного возглавить Ойратский союз. Поэтому ойратам после того, как они восстали и убили присланного к ним монгольского наместника Субагата в 1586 г., не удалось отстоять свою независимость от восточных монголов. П.С. Паллас указывает на те времена, когда объединенные ойратские народы, наследственные князья которых были несовершеннолетними и над которыми монголы пытались удержать свое прежнее господство. Они вынуждены были признать верховную власть над собой Лайхур-хана и частично платить ему дань. Их прежние кочевья на реках Хунгуй и Дзабхан перешли к восточным монголам.

В результате военных поражений от Алтын-хана ойраты в значительной своей части оказались вытеснены за пределы Западной Монголии и откочевали за линию Монгольского Алтая. На рубеже XVI–XVII вв. кочевья ойратов на востоке простирались до окрестностей озера Баркуль, а на западном фланге они включали территорию завоеванного джунгарами Семиречья и верховья рек Нарын и Чу и граничили с владениями казахского Старшего жуза. На юге располагались кочевья хошутов, которые граничили с Восточным Туркестаном. На севере кочевья дербетов, обитавших по Черному Иртышу и около оз. Зайсан, доходили до Бухтармы. Рядом с ними у южных и западных отрогов Тарбагатай находились кочевья торгутов. В источни-

ках упоминается еще небольшое владение хойтов, кочевья которых располагались у самых истоков реки Иртыш, гранича с владениями державы Алтын-ханов. В самой Монголии остались только те ойратские улусы, которые потеряли свою самостоятельность и вошли в состав этого государства. Однако границы отдельных ойратских владений не были постоянными, они быстро изменялись в зависимости от политической обстановки.

В конце XVI в. ойратское общество переживало и глубокий внутренний кризис, который был прямым следствием военных неудач в борьбе с Алтын-ханом, что привело к значительным потерям территории в Западной Монголии, росту численности стад и междоусобицам среди крупных ойратских владельцев, когда каждый из них стремился поправить свои дела за счет соседей. Некоторые старшие тайши видели выход из кризиса в откочевке своих улусов на новые территории, овладение которыми не требовало бы от них больших потерь. В результате перемещения ойратских улусов кочевья дербетских и торгутских владельцев на рубеже XVI–XVII вв. оказались на северо-западной окраине ойратских владений.

По мнению И.Я. Златкина, тайша Хара-Хула пытался объединить ойратов под главенством именно цоросского дома, как это было в XV в. — во времена гегемонии их правителей Тогона и Эсена. Но другие тайши, не желая подчиняться власти цоросов, со своими улусами откочевали в районы Юго-Западной Сибири. Главным оппонентом Хара-Хулы внутри цоросского дома были дербетские тайши во главе с Далай-Батуром. Именно они стали главными инициаторами откочевки в пределы Юго-Западной Сибири, чтобы там совместно с торгутскими тайшами основать собственный центр кочевий, как политический противовес джунгарским тайшам. Позже к ним присоединились и хошутские тайши, что значительно укрепило позиции Далай-Батура. Только во второй половине XVII в. в результате политических интриг и военных действий джунгарам удалось окончательно подчинить своей власти большую часть ойратов в границах созданного ими Джунгарского ханства.

1.2. Внешнеполитическая ситуация в Центральной Азии накануне откочевки ойратов в Западную Сибирь

После смерти Эсэн-хана раздробленность Монголии еще более усилилась. Авторитет и реальная сила верховной ханской власти пришли в совершенный упадок, поскольку владетельные монгольские и ойратские князья снова стали проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику в своих кочевых княжествах, не считаясь с властью всемонгольского хана. Ойраты до XVII в. номинально входили в состав единого монгольского государства «Сорока и Четырех», хотя в отдельные периоды пользовались полной самостоятельностью. Начиная со второй половины XVI в., ойратские князья принимают монгольский средневековый титул знатности *тайджиги*, который прежде могли иметь только восточномонгольские князья — прямые потомки Чингис-хана. Это связано, по-видимому, с ростом могущества и экономической мощи правителей ойратских владений. Они смогли упрочить свою самостоятельность и независимость в проведении внешней и внутренней политики.

Попытку возродить былое единство страны, хотя и на короткое время, предпринял один из преемников Даян-хана — Тумэн (1558–1593). Ему удалось образовать центральное правительство Монголии, куда вошли представители монгольских княжеств левого и правого крыльев. Монгольские источники не сообщают, признавали ли над собой власть Тумэн-хана ойраты. Однако многим монгольским владельцам удалось высвободиться из-под власти Тумэна. В это время усилились князья правого крыла, предводитель которых Алтан-хан Тумэтский (1507–1582) прославился тем, что способствовал введению буддизма в своих владениях, установив политические связи с Тибетом и главой желтошапочной школы *Гелукпа* тибетского буддизма Далай-ламой III. Алтан-хан еще во время правления своего отца получил титул хана и соперничал с верховным ханом Тумэном в борьбе за господство над всей Монголией.

С целью освободить от ойратов район Каракорума и Кобдоскую равнину в 1552 г. Алтан-хан во главе своих войск отправился в поход против ойратов и нанес им поражение в бассейне рек Хунгуй и

Дзабхан. В сражении погиб Мани-Мингату, нойон «восьмитысячных хойтов», а его улус достался Алтан-хану. Удерживая за собой Кобдоскую равнину, ойраты продолжали сохранять свое независимое положение. В 1562 г. разгрому подверглись уже кочевья торговцев, когда на них совершил поход правитель Ордоса Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи, убив их предводителя Хара-Буру. Разгромленных торговцев Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи преследовал до берегов Иртыша, после чего возвратился обратно. В 1574 г. он снова совершил поход против ойратов и уже ограбил отоки баатутов и дербетов. Теперь он действовал совместно с другим монгольским князем Буян-Батуром-хунтайджи, приходившимся ему двоюродным братом. Тот вместе со своими младшими братьями воевал с хойтами, нанес им поражение и взял в плен их предводителя Эсэльбэйка. Хойты вынуждены были признать над собой власть монгольского хана. Однако вскоре хойтский князь освободился из плена, собрал свои силы и, напав на войска Буян-Батура при р. Хирцабагын-гол, разгромил их, а его самого убил.

Восточномонгольские князья не оставляли надежды полностью подчинить своей власти ойратов. Военные конфликты ойратов с восточномонгольскими князьями продолжали иметь место на протяжении всей второй половины XVI столетия, а ойратские правители терпели в них поражения. Победа Алтан-хана над хойтами позволила халха-монголам занять территории к западу от Каракорума, которые раньше находились во владении ойратов. Таким образом, те лишились своих кочевий в Хангайских горах, богатых пастбищами, и в долине р. Селенги. Абатай разгромил ойратов в местности Кубкэр-гэрийн и, подчинив их своей власти, посадил своего сына Субагатая ханом в их владениях. После смерти Абатая в 1586 г. ойраты подняли восстание, умертвили навязанного им в правители Субагатая и вернули себе независимость.

Управление Северной Монголией перешло к сыну одного из двоюродных братьев Абатая – Сайн-Лайхур-хану, основателю династии еще одной ветви владетельных князей Халхи — *Дзасагту-ханов*. Их владения на западе граничили с кочевьями ойратов. Ему также пришлось воевать с ойратами, пока он не одержал решающей над ними

победы. В заключении мира в 1606 г. между ойратами и монголами роль миротворца сыграл хошутский князь Торубайху (1582–1654), за это он получил почетный титул *Дай-Гууши* (букв. «Великий наставник») и в дальнейшем вошел в историю под именем *Гуши-хана*.

К концу XVI в. Монголия состояла из небольших государственных образований, которые пользовались полной самостоятельностью в проведении внутренней и внешней политики. Особое место среди них занимали ойратские этнополитические объединения, правители которых хотя и враждовали с восточномонгольскими князьями, но пока еще не могли окончательно отделиться от Восточной Монголии. В результате деления страны на Восточную и Западную части на территории Монголии в XV–XVI вв. сложились две близкородственные монголоязычные народности – собственно монголы и ойраты, обладавшие определенной общностью происхождения, хозяйственной деятельности, традиционной культуры, языка, религии и психического склада. При этом каждая из народностей осознавала себя отдельным этносом. Именно тогда появилось самоназвание обеих народностей «Дöчин дөрбөн хойар» (букв. «Сорок и четыре»), где под цифрой «сорок» подразумевались восточные монголы, а под цифрой «четыре» — ойраты.

Для ойратского общества, как и для всей Монголии, была характерна политическая раздробленность, вызванная экстенсивным, натуральным характером кочевого скотоводческого хозяйства. Отсутствие внутренних рынков и прочных экономических связей, как между отдельными владениями, так и между отдельными частями страны благоприятствовало усилению сепаратистских устремлений монгольской и ойратской знати и способствовало ослаблению центральной власти. В этих условиях попытки преодолеть раздробленность и создать объединенное государство независимо от субъективных намерений их инициаторов носили прогрессивный характер. Однако всё углублявшаяся раздробленность страны и измельчание улусов, внутренние усобицы и войны между монгольскими и ойратскими князьями создали непреодолимое препятствие объединению Монголии в рамках единого государства.

На территории Северной Монголии к началу XVII в. выделились три крупных владения, что привело процесс раздробленности некогда единой страны к наивысшей точке. Их правители, носившие ханские титулы *Тушету-хан*, *Дзасагту-хан* и *Цэцэн-хан*, подчинили себе других владетельных князей и стали играть ведущую роль в последующей истории этой части Монголии. Северная Монголия или *Халха* делилась в соответствии со старинной монгольской традицией на правое и левое крылья. Территория правого крыла располагалась по Хангайским горам и граничила на западе с владениями ойратов. Поэтому организаторами военных кампаний монгольских правителей против них стали именно правители правого крыла Халхи, которые не оставляли своих попыток путем войны и насилия включить ойратов в сферу своего влияния.

В конце XVI – начале XVII в. во главе князей правого крыла находился родоначальник династии *Дзасагту-ханов* Сайн-Лайхур-хан, внук старшего сына Гэрэсэндэ Ашихая. Он был известен тем, что совершал успешные походы на ойратов, которые восстали в 1586 г. после смерти другого халхаского правителя – Абатая. Ойратам на какое-то время удалось освободиться от зависимости от восточных монголов. Однако в войнах с Лайхур-ханом ойраты, наследственные правители которых были еще несовершеннолетними, терпели поражение. Поэтому они не сумели сохранить независимость и, признав над собой власть монгольского хана, платили ему дань.

Поскольку большинство ойратских владельцев откочевало к западу от Алтая, Лайхур-хану так и не удалось их окончательно подчинить своей власти. Заключив с ойратами мир, он, по-видимому, вынужден был поставить управлять ими в качестве наместника своего двоюродного брата Шолая Убаши-хунтайджи (1567–1623), крупного и влиятельного владельца северо-западной части Монголии, присвоившего себе громкий титул *Алтын-хана* (букв. «Золотой хан»), хотя в действительности он имел младший по отношению к хану титул *хунтайджи* (наместника). В исторической литературе его иногда называют «хотогойтским князем». В соответствии с восходящей к шаманским верованиям средневековой традицией не называть собственными именами знатных лиц на имя этого монгольского князя

при его жизни был наложен запрет. Поэтому в русских архивных документах XVII в., вслед за енисейскими киргизами и ойратами, его называют «Алтын-царем», а его княжество «царством Алтын-хана». Шолой Убаши-хунтайджи был первым *Алтын-ханом* и основателем кочевого государства, который, по мнению японской исследовательницы Джунко Мияваки, являлся и «ойратским ханом».

Княжество Алтын-ханов в начале XVII в. играло заметную роль в истории Южной Сибири. Возникнув примерно в 90-х гг. прошлого столетия в процессе раздробленности в Монголии, оно первоначально являлось одним из отоков владения *Дзасагту-ханов*. Большинство его населения составляли хотогойты и урянхайцы. По мнению Б.Я. Владимирцова, племя хотогойтов относилось к ойратам, но потом халхаизировалось и вошло в состав халха-монголов. Монголоязычные хотогойты, будучи неоднородными по своему этническому составу, являлись родоплеменным подразделением хойтов. В результате поражения ойратов в междоусобных войнах с восточными монголами к концу XVI в. часть их оказалась в подчинении у халха-монгольских князей.

Княжество Алтын-ханов занимало обширную территорию в северо-западной Монголии между озерами Убсу-Нур и Хубсугул. На севере оно простиралось до Саянских гор, на востоке – до озер Хубсугул и Сангин-Далай-Нур. На южном направлении владение доходило до предгорий монгольского Алтая, а на западе соприкасалось с кочевьями ойратов. Ставка Алтын-хана находилась на берегу озера Убсу-Нур или в долине реки Тес. Под натиском Алтын-хана некоторые ойратские улусы, в основном представленные дербетами и торгутами, вынуждены были откочевать на северо-запад. Однако Алтын-хану удалось подчинить своей власти ряд мелких племенных групп и народностей, которые обитали в сопредельных районах Южной Сибири. С них его отряды собирали ясак (дань). Алтын-хан предъявлял свои владельческие права и на ойратов, стремясь превратить их в своих данников. С начала XVII в. Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи стал организатором военных кампаний против ойратов. Однако это борьба шла с переменным успехом, поэтому не все ойратские улусы в рассматриваемое время признавали его власть над собой.

Ойратская правящая верхушка во второй половине XVI в. вынуждена была вести изнурительную борьбу за пастбищные территории одновременно на юге против моголистанских правителей, на западе против Казахского ханства и на востоке против владельцев Халхи и южномонгольских правителей, терпя поражения. Ойратские князья не могли оказать должный отпор набегам своих соседей, которые стремились расширить свои пастбищные территории и поживиться военной добычей за счет ойратов. Например, сын и преемник моголистанского хана Мансура Шах-хан (1542–1570) успешно совершили ряд набегов и походов против ойратов, пока не погиб в одном из сражений с ними.

Напряженная обстановка сложилась на границе с владениями Казахского ханства. В основе борьбы между ойратскими и казахскими правителями лежали стремление расширить свои пастбищные территории за счет соседа, разорительные набеги на владения друг друга и желание ойратских владельцев пробиться к среднеазиатским городам и завладеть подходами к ним. Долгие годы ойратско-казахское противостояние продолжалось с переменным успехом. Особенно ойратские набеги на территорию Казахстана участились в 50-е гг. XVI в. Отступая под натиском восточномонгольского правителя Алтан-хана, ойраты откатывались на запад и поэтому стремились расширить свои кочевья на западе за счет владений Казахского ханства. Во второй половине XVI в. ойраты, ослабленные внутренними раздорами и поражениями, понесенными ими от могулистанских правителей и восточномонгольских князей, стали терпеть поражение и от казахских правителей.

К югу от ойратских владений находились княжества Восточного Туркестана, где в этот период наблюдается обострение междоусобиц и падение авторитета и влияния центральной ханской власти. Это позволяло ойратам совершать набеги на города и селения Восточного Туркестана и активно вмешиваться во внутренние дела Могольского государства.

Продвижение части ойратов на рубеже XVI–XVII вв. в западном и северо-западном направлении через южные районы Западной Сибири и северные пределы Казахстана лишило казахских правителей ча-

сти их исконных пастбищных территорий, это придало вооруженной борьбе между ойратскими и казахскими владельцами особую остроту и ожесточенность.

На юго-западе ойратские кочевья подходили к границам Бухарского ханства, где в 1599 г. утвердилась новая узбекская династия *аштарханидов*. Первое нападение ойратов на Хорезм, окончившееся неудачей, произошло зимой 1603–1604 г. Анализ событий, происходивший в регионе в рассматриваемый период, позволил В.А. Моисееву сделать вывод о том, что «по существу это был первый в XVII в. серьезный поход ойратов на Казахстан и Среднюю Азию» и что его неудача показала ойратам, что путь в этом направлении для них закрыт.

Таким образом, внешнеполитическая обстановка в Центральной Азии в конце XVI в. была крайне неблагоприятной для ойратов, находившихся в перманентном состоянии раздробленности и разобщенности. Им противостояли сильные кочевые и оседлые ханства и княжества, с которыми ойратам приходилось вести постоянную борьбу. Чаще всего в этой борьбе ойраты терпели военные неудачи и с трудом сохраняли свою независимость.

К началу складывания русско-ойратских отношений в истории Московского государства последняя четверть XVI – начало XVII в. ознаменовались важными событиями. Возвышение Москвы в конце XV – первой половине XVI в. предопределило уничтожение остатков Золотой Орды на его восточных рубежах и территориальную экспансию на восток. Завоевание царем Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского ханства в 1556 г. и включение Поволжья в состав владений Русского государства позволили отодвинуть его границы далеко на восток и на юг.

С конца XVI в. обширные территории Зауралья и Западной Сибири стали объектом постоянной экспансии для русских людей, которые все чаще и чаще проникали за Уральский хребет на восток. Здесь они в первую очередь преследовали торговые цели, а также для сбора ясака (дани) с местного населения. Но обширные области Западной Сибири вдоль великих сибирских рек Тобола, Иртыша, Ишима и Оби составляли владения Сибирского ханства, которое появилось

здесь в конце XV в. как политическое образование сибирских татар. Это были тюркоязычные кочевники, в этногенезе которых приняли участие тюрки-кыпчаки, угорские, самодийские и частично монголоязычные племена. Они составляли основное население ханства, которое в русских документах того времени называлось собирательным термином «сибирские татары». Население платило правителям Сибирского ханства ясак пушниной, которая первоначально представляла собой военную добычу, но затем со временем трансформировался в ежегодно собираемую поголовную дань.

В 60-х гг. XVI в. на ханском престоле утвердился шейбанид Кучум, свергнувший прежнего правителя ханства Едигера. К 80-м гг. XVI в. московское правительство, потерпев поражение на западе в Ливонской войне, все свое внимание во внешней политике обратило на восток. Сибирь XVI в. привлекала русских людей как новый регион, откуда можно было получать драгоценную пушнину. Московское государство за годы многолетней и изнурительной Ливонской войной и внутренними неурядицами переживала в то время острейший финансовый кризис. Все это вызвало резкое повышение спроса на пушнину одновременно на Востоке и на Западе в условиях, когда пушной зверь в северных и северо-восточных районах России был уже изрядно повыбит, сделало Сибирь важным источником пополнения «государевой казны».

С целью реализации плана продвижения в Сибирь царское правительство использовало деятельность торговых и промышленных людей по успешному освоению камских путей в Западном Приуралье, в первую очередь сольвычегодских промышленников и купцов Строгановых, которые получили от правительства Ивана IV разрешение строить на осваиваемых землях военные городки и призывать себе на службу казаков. Именно с этого времени встречается самое раннее упоминание об ойратах, или калмыках, как они обычно именуется в русских источниках. Оно содержится в анонимной Строгановской повести, составленной в первой половине XVII в., в которой использованы царские грамоты и семейные предания Строгановых, в том числе указ царя Ивана IV от 30 мая 1574 г. на имя братьев Строгановых. В нем им повелевались: «А когда станут в те крепости прихо-

дять к Якову и Григорию [Строгановым] торговые люди бухарцы и калмыки и казахские орды земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно».

В 1582 г. казачья дружина атамана Ермака, сформированная во владении братьев Строгановых, на стругах подошла к столице ханства Кучума – Кашлыку, где наголову разбила «кучумлян». Кучум, бросив свою столицу на произвол судьбы, откочевал на юг. Северные пределы его «царства» оказались без защиты, и подвластные ему племена сибирских татар, хантов и манси были приведены казаками Ермака к шерти и согласились платить ясак в царскую казну.

После гибели Ермака 5 августа 1585 г. правительство Бориса Годунова снарядило в Западную Сибирь ряд крупных военных экспедиций, чтобы здесь прочно утвердилась русская администрация. Основываются укрепленные деревянные остроги: на Иртыше – Тара и Тобольск, на Оби – Сургут и Нарым, на Томи – Томск и Кузнецк. Таким образом территория Западной Сибири была включена в состав Московского государства. В 1587 г. в устье Тобола был заложен город Тобольск, ставший столицей русской Сибири в XVII–XVIII вв. В ходе начавшейся русской колонизации Западной Сибири русские служилые люди (казаки, крестьяне, промышленники-звероловы), продвигаясь вглубь Сибири, вошли в соприкосновение с населявшими ее племенами и народами, в том числе и ойратами.

В последнее десятилетие XVI и в начале XVII в. ойраты становятся постоянными обитателями южных степей Западной Сибири. И на новой территории они сразу же оказались вовлечены в происходившие здесь события. Тара, основанная в 1594 г., представляла собой важнейший опорный пункт для защиты русских владений в Западной Сибири от набегов Кучума и его потомков, затем ойратов. Разбитый в 1598 г. высланным против него из Тары русским отрядом, Кучум бежал на юг к верховьям Иртыша на оз. Зайсан-Нор. Однако, когда он угнал большое количество принадлежавших им лошадей, то «калмыки же гнаша во след его и достигоша на Нор-Ишиме у озера Кургальчина и ту многих кучюмлян побиша и коней свои стада отьяша».

Появление у южных границ Сибири значительной массы воинственных кочевников оживило враждебную деятельность «кучюм-

лян», хотя ни Кучум, ни его многочисленные потомки не представляли особой опасности для Московского государства. Судя по документам, сибирские воеводы были хорошо информированы о событиях, происходящих близ южных границ сибирских владений. Так, из русских архивных материалов известно о том, что ойратские князья, переселившиеся сюда из Джунгарии вместе со своими улусами, на новых местах то объединялись с потомками Кучума для совместной борьбы против общих врагов, и даже роднились с ними, то вели военные действия против них.

Вопросы

1. *Перечислите ойратские этнополитические объединения начала XVII в.*
2. *Расскажите о политическом устройстве ойратского общества к началу XVII в.*
3. *Назовите имена старших ойратских тайшей к началу XVII в.*
4. *Какая внешнеполитическая причина побудила ойратов откочевать из Центральной Азии в пределы Западной Сибири?*

Глава 2.

Установление русско-ойратских отношений в Западной Сибири в начале XVII в.

2.1. Первые посольские контакты ойратов с царской администрацией в Сибири

К северо-западу от ойратских кочевий находились малонаселенные и почти не обороняемые пространства степных районов Западной Сибири по среднему течению Иртыша и Ишима. Падение Сибирского ханства создало благоприятную обстановку для проникновения крупных кочевых группировок ойратов на территорию южной части Западной Сибири, тем более что на начальном этапе русской колонизации Сибири встречное движение русских крестьян и правительственных отрядов было направлено в первую очередь на освоение таежных и тундровых районов Сибири, богатых пушным зверем.

В начале XVII в. на южной границе западносибирских владений Московского государства произошла встреча двух народов: ойратов и русских, представлявших две цивилизации – кочевую и оседло-земледельческую. С этого времени для ойратов началась новая эпоха, а установление отношений с Московским государством, открыла новую страницу в их истории и перспективы для их развития.

Еще до времени своего появления у сибирских границ Московского государства на рубеже XVI–XVII вв. ойраты в русских документах именуется «калмыками». В 50-х гг. XVI в. об этом свидетельствует Р. Джонсон, спутник английского посла Дженкинсона, узнавший от русских купцов о неких «желтых» и «черных» калмыках. К этому можно добавить и то, что в посольских делах России с европейскими государствами за 80–90-е гг. XVI в. также имеются прямые указания

на калмыков, «колмацкую орду», «пегих калмыков». На рубеже XVI–XVII вв. отдельные группы калмыков входили в состав Казахской орды, калмыцкие отряды находились в войсках кучумовичей.

Первые сведения о перемещении ойратских улусов к сибирским границам Московского государства связаны с заключительными военными действиями отрядов русских служилых людей против хана Кучума. В ходе преследования был разгромлен лагерь кучумлян в августе 1598 г. на левом берегу Оби. Из сообщения тарского воеводы Андрея Воейкова царю Борису Годунову известно, что в двух днях (примерно в 80–90 км) от разгромленного лагеря Кучума кочевали некие калмыцкие улусы. К сожалению, из этого сообщения не понятно, выступали ли ойраты военными союзниками Кучума, либо были безучастными свидетелями его окончательного разгрома.

В дальнейшем ойратские улусы, откочевавшие из Западной Монголии, стали постепенно располагаться в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. В наказе тобольскому воеводе от 11 февраля 1601 г. московское правительство предписывало внимательно наблюдать за передвижениями ойратов. В сентябре 1606 г. наплыв ойратов в Тарский и Тюменский уезды стал все более угрожающим, поэтому местный воевода Сила Гагарин неоднократно сигнализировал в Тобольск о появлении в ясачных волостях «калмыцких людей»: «а чаёт от них войны». Понятно, что этот тревожный сигнал не мог остаться без ответа. В дальнейшем в Тюмени воевода Матвей Годунов стал срочно формировать вооруженные отряды из различных категорий ратных людей, куда, например, входили литовцы, украинцы, казаки, юртовские татары и охотники из числа ясачных людей.

В дальнейшем выяснилось, что ойраты действовали не одни, а совместно с детьми покойного сибирского хана Кучума — Азимом, Ишимом и Консюваром. Первыми их совместному нападению в мае 1607 г. подверглись жители Кынырского городка в Тюменском уезде. Кучумовичи рассматривали в ойратах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлением убежища в случае военных неудач, хотя тайши эти связи не считали первостепенными.

Однако первый официальный контакт в русских документах зафиксирован только 20(30) сентября 1606 г., когда в Таре появляется посланец торгутского тайши Хо-Урлюка — Катачей Бурулдуев. Тайша предлагал мир и просил разрешения кочевать на государевой земле по Камышлову и Ишиму, а также иметь возможность приезжать его улусным людям для торговли в Тару. С целью установления отношений тайша просил прислать к нему для переговоров посланцев. В середине октября из Тары в улусы выехали толмач Томила Алексеев и татарин Урдубай. Посланцы должны были донести и претензии русской стороны о незаконном занятии Хо-Урлюком государевых земель. В случае неподчинения указанным требованиям и отказа прислать своих «лучших» людей в Тару Хо-Урлюк обязан был покинуть занимаемые им земли.

Однако нам не известен ответ торгутского тайши, поскольку посланцы так и не вернулись в Тару. По одним данным, их якобы по дороге убили ясачные татары-охотники. По сообщению пленных женщин из улуса Хо-Урлюка, где после разгрома одного из владений уже в 1607 г. были обнаружены личные вещи посланцев, Алексеева и Урдубая убили. Позже эти вещественные улики убийства посланцев в Таре были представлены приехавшему послу от дербетского Далай-Батура, Едучиру (Едигеру, Едюру). Ввиду того, что родная сестра Хо-Урлюка была замужем за Далай-Батурой, посол пообещал передать эти улики торгутскому тайше, чтобы тот в своем улусе произвел розыск виновных лиц в возможном убийстве тарских посланцев.

Но далеко не все сибирские воеводы выступали за ответные силовые действия в отношении ойратов. Например, тот же тарский воевода Сила Гагарин пытался выяснить истинные намерения новых соседей. С этой целью в начале 1607 г. он направил к ойратам делегацию из ясачных татар во главе с князем Енобаем и Кугогаем. В Москве поддержали мирную инициативу тарского воеводы. 30 марта 1607 г. из Приказа Казанского дворца, который в то время заведовал и «Сибирскими делами», была послана от имени Василия Ивановича Шуйского грамота Гагарину, в которой предписывалось ему отправить к ойратам посольство. Московское государство в отношении местных народов использовало гибкую мирную дипломатию, предлагая взаи-

мовыгодные условия, свое покровительство, а тайши не отрицали установления верховного права российского царя по отношению к ним.

Ойраты также пошли навстречу, и 16 июня 1607 г. в Тару прибыл их представитель – тайша Кугонай Тубиев (Тубеев) в сопровождении 20 человек. В ходе расспроса тайши выяснилось, что его на переговоры направили Далай-Батур и Эзинея с напутствием «государю бить челом», чтоб «их пожаловати, воевати их не велети, и велети им бытии под царскою высокою рукою, и кочевати на земле вверх по Иртышу к соленым озерам, а что с них, колмацких людей, имати годно коньми или верблюды или коровами, и они де тем бьют челом». В указанной ойратской группировке насчитывалось 45 владельцев под предводительством 5 старших тайшей: Далай-Батура, Эзинея, Кугоная Турбеева, Ужена и Дзоригту Конаевых. Общая численность их улусных людей составляла примерно 120 тыс. человек. Но Кугонай не шертовал за Хо-Урлюка и Корсугана, которые три года назад отошли от них и расположились с улусами вверх по Иртышу.

Из воеводского донесения видно, что данная ойратская группировка кочевала отдельно от основной массы ойратов и на тот момент действовала самостоятельно в отношении царского правительства. Торгуты в это время также не представляли собой единого общества, будучи разделенными по крайней мере на две группы. Основываясь на данных родословных торгутских князей, можно с уверенностью говорить, что под *Изенеем* здесь подразумевается не кто иной, как Эзинея-тайджи, двоюродный дядя Хо-Урлюка. Эзинея-тайджи стоял во главе той группы торгутов, от которой обособленно действовал Хо-Урлюк.

Из донесения видно, что ойраты готовы были доставлять русским коней и верблюдов, хотя воевода не упомянул слово «ясак». Но в грамоте Приказа Казанского дворца воеводам снова был употреблен этот термин. В дальнейшем происходили недоразумения, но ясак калмыки, конечно, так и не согласились платить, при этом лошадей охотно продавали русским. Не только ойраты, но и русские были крайне заинтересованы в торговле, поскольку нуждались в средствах для освоения Сибири.

Вести о переговорах сибирских воевод с ойратами в Москве получили поддержку. Тарскому воеводе предписывалось командировать к тайшам послов с объявлением, что Московское государство берет их под свое покровительство, обещает защиту от казахов и ногаев, разрешает кочевать вверх по Иртышу и намеревается выплатить тайшам жалованье. Царская грамота воеводе также содержала очень важный пункт — о разрешении ойратам свободно приезжать в Тару для ведения торговли. На первых порах Москва решила сосредоточить в своих руках дела по осуществлению связей с ойратами, не передоверяя их сибирским воеводам. Для окончательного оформления присяги на подданство настоятельно рекомендовалось приглашать тайшей непосредственно в столицу. Правительство, не удовлетворившись несколькими пассивными действиями тарского воеводы по призыванию «под государеву высокую руку» Хо-Урлюка и «Кусургана-тайшу», поставило перед ним конкретную задачу — проявить инициативу и направить к указанным тайшам послов, чтобы призвать под «высокую государеву руку». В случае их возможного отказа воеводе не рекомендовалось применять военную силу. Немаловажным оставался и вопрос формы взимания будущего ясака с ойратов, а также выдачи жалованья тайшам и их приближенным лицам.

Мирное предложение ойратов было поддержано в Таре, а Кугонай за свою посланческую миссию был вознагражден жалованьем. Обрато с ним в улусы были направлены литвин Болдан Болкач, казак Игнат Еманаков в сопровождении трех татар с заверением, что русская сторона в отношении ойратов не будет прибегать к военным мерам. Для материального стимулирования тайшей им были отправлены в качестве жалованья 5 портиц сукна. В знак подтверждения своих намерений тарские посланцы должны были взять у тайшей шерсть.

В начале октября посланцы вернулись в Тару в сопровождении новых ойратских послов: Баучина, Девлета Тахабакшеева, Арлая Алакова и Кесенчака Чиганова — всего 8 человек. Все они представляли интересы 5 ойратских тайшей — Унгиная, Батыря (Далай-Батура), Эзиня, Шевгея Урлюкова и Урухту. Судя по составу, это была крупная дербето-торгутская группировка улусов, вышедшая к Сиби-

ри, тайши которой просили царские власти разрешить им кочевать в верховьях Иртыша, в районе Соленых озер и по Камышлову. Немаловажное значение имела просьба ойратов о защите от военной угрозы со стороны Алтын-хана и Казахской и Ногайской орд. Видимо, положение этих улусов на тот момент было настолько критическим, что тайши были не против взимания с них ясака в виде лошадей, верблюдов и скота.

Пользуясь возможностью, с послами прибыли и 90 торговых людей, пригнавших в Тару на продажу 550 лошадей, причем продавали они их за деньги или же обменивали на одежду и писчую бумагу. По большому счету это положило начало русско-ойратским торговым отношениям. Местные власти, понимая, что ойраты предполагают кочевать под «государевой рукой» по Иртышу, Оми и Камышлову и чтобы «их сперва не ожесточить и от царские милости не отгонити», не стали с них взимать торговую пошлину. Послы получили заверение от местных царских властей в возможности кочевать их улусам в безопасности на территории московской Сибири «под царскою рукою навеки неотступным». Члены посольства и улусные люди были взяты на полное продовольственное довольствие.

В Москве было принято решение, чтобы четырех ойратских послов с литвином Болдашом Бойкачом прислать в столицу. Выяснилось, что тайши не шертовали перед приехавшим к ним Бойкачом, а ожидали возвращения своих послов с официальным ответом от царского правительства и жалованьем. В знак своего расположения тайши отдали приказ выдать ясачным татарам всех их захваченных в прошлых годах женщин и детей без какого-либо выкупа.

Отдельно от указанной группировки улусов кочевали со своими улусными людьми торгутский тайша Хо-Урлюк и Корсуган. Летом 1607 г. они кочевали в трех днях пути от Тары, на левом берегу Камышлова и до озера Колмак, где захватили рыбные ловли и охотничью добычу у местных ясачных татар. К Хо-Урлюку присоединился его зять Ишим, сын Кучума, который скрывался в улусе тестя после разгрома его и братьев тюменскими ратными людьми. Планы этих владельцев по отношению к Тарским и Тюменским волостям были не совсем дружелюбными, так как имелась информация от тех же

ясачных татар, что они замыслили на осень и весну следующего года набеги на указанные территории.

В ходе переговоров с ойратскими послами, главными из которых выступали Арлай и Баучин, прозвучала просьба тайшей разрешить им кочевать на государевой земле по реке Омь, на что получили официальное разрешение со стороны тарского воеводы Силы Гагарина. Улусы торгутского Эзинея и дербетского Далай-Батура прикочевали на Омь и расположились в четырех днях пути от Тары. Поскольку для ойратов существовала серьезная военная опасность со стороны Алтын-хана, тайши просили власти построить на Оми острог для их защиты. Причем ойраты готовы были защищать его вместе с русскими ратными людьми от неприятеля, в том числе и от Алтын-хана. Тайши на приемлемых условиях также готовы были платить в казну ясак лошадьми и скотом, но не шкурками соболей и черных лисиц. Со своей стороны ойраты готовы были на подконтрольных им охотничьих угодьях не трогать сибирских людей, подданных московского царя.

На переговорах был затронут вопрос и об ойратских пленниках, захваченных два года назад русскими ратными людьми. Многие из них находились в Тобольске и Таре, у юртовских людей и служилых татар. Тайши через послов просили государя отдать указ о выдаче им всех пленных. Стоит отметить, что отныне вопрос о выдаче пленных в русско-ойратских отношениях становился постоянным и одним из основных на протяжении всего XVII в.

Обратно с послами местными властями пятерым главным тайшам в качестве жалованья были отправлены по одной темно-красной однорядке с кружевами, камчатому кафтану и бархатной лисьей шапке. В дальнейшем власти планировали окончательно привести старших тайшей к шерти в самой Таре, а других – на местах, Оми или Камышлове, где предполагалось построение городка, и куда попеременно могли бы приезжать различного рода ойратские владельцы и шертовать за себя и улусных людей, где бы могли записывать их имена и выдавать им жалованье. На Тару для безопасности было велено пропускать небольшое количество тайшей, в основном старших. Размер будущего выдаваемого ясака должны были определить сами ойратские тайши, «лучших» из которых лично приглашали в столицу,

обещая обеспечить полным довольствием и безопасностью в дороге. В случае возникновения с их стороны недоверия в поездке в столицу, то указывалось предоставить им заложников.

Тарский воевода, следуя наказам правительства, отправил послов в Москву. Это было первое ойратское посольство, посетившее столицу Московского государства. 7 февраля Баучин, Девлет, Арлай и Кесенчак предварительно были приняты в посольской палате дьяком Василием Телепневым, который подробно их расспросил о цели приезда. 14 февраля 1608 г. послы уже присутствовали на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. В сопровождении воротынца Афанасия Тургенева и толмачей они проследовали к государю через площадь по средней лестнице до красного крыльца. Дьяк В. Телепнев представил послов царю следующими словами: «Великий государь и великий князь Василей Иванович, всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель! Калматцкие орды больших князей Багатырь-тайша с товарищи послы Арлай с товарищи вашему царскому величеству челом ударили». После этих слов послы были пожалованы к руке государя, и они ему сообщили все то, что до этого рассказали дьяку Телепневу, который уже объявил официальный ответ царской стороны. После Василию Ивановичу представили привезенные подарки (поминки) от тайшей. В качестве жалованья послам дьяки возложили на них казенные платья, а позже государь пожаловал послам в ковшах мед.

Здесь обращает на себя размер и перечень государева жалованья послам: «3 платна золотные, по 15 руб.; 3 однорядки багрецовые, по 4 руб.; 3 кафтаны камчатые, по 6 руб.; 3 шапки бархатные, по 2 руб.; 3 ковши серебряные, по пол 2 гривенки». Кроме того, кашевару были пожалованы однорядка в 2 рубля, кафтан в 40 алтын и шапка в полтину. В Москве были поражены простотой одежды калмыцких послов: «на них платьишко было худо» и «только на них шубенка, у государя бытии им не в чем». Им были даже дополнительно выданы из Посольского приказа одежды: по однорядке за 2 рубля, кафтану по 40 алтын, суконной шапке и сапогам из телячьей кожи за 4 гривны.

Это было первое ойратское посольство в Москве, и в течение всего XVII в. они уже были постоянными. Эзинею и Далай-Батуру было

разрешено с улусами кочевать в сибирских пределах по Иртышу, Оми и Камышлову и обещано обеспечение защиты от ногаев, казахов и монголов. При этом центральная власть подчеркивала обязательность приезда старших тайшей в Москву для переговоров. В качестве неперемennого условия выдвигалось требование о выдаче калмыцких *аманатов* (заложников) — привычный для царского правительства способ держать в повиновении подданных, особенно на национальных окраинах.

Хо-Урлюк и Корсуган также не остались без внимания царских властей. Сибирским властям было указано отправить к этим тайшам посланцами юртовских и служилых татар с наказом, «чтоб они были под царскою высокою рукою и шерть и утверженье и заклады в город на Тару дали». Правительство Василия Ивановича Шуйского готово было предоставить и этим владельцам кочевать рядом с сибирскими городами и находиться под защитой их гарнизонов. Но в случае их отказа от предоставляемых русской стороной возможностей пребывания под «государевою рукою» и выплаты ясака, то указывалось взять под усиленную охрану ясачных татар в волостях и не допускать улусных людей этих тайшей к сибирским городам. В то же время в условиях начавшейся интеграции ойратов в зону внимания Московского государства местным властям запрещалось применять силовые действия против Хо-Урлюка и Корсугана, даже при их отказе подчиниться.

В районе Тарского острога предполагалось создание торгового пункта, куда ойраты могли бы пригонять на продажу лошадей или обменивать их на сукно или бумагу. В Москве были весьма заинтересованы в получении калмыцких лошадей в результате их покупки или обмена. В то же время не забывали и о безопасности Тары в условиях массового наплыва кочевников. Строго предписывалось впускать в острог ойратов только небольшими группами по 5–6 человек, но без взимания каких-либо торговых пошлин.

Место будущего острога на реке Омь или у соленых озер, как опорного пункта во взаимоотношениях с ойратами, должен был определить голова Алексей Поленов. С точки зрения безопасности это место должно было находиться в весьма укрепленном районе с

наличием местного строительного материала. В Москве с большим вниманием отслеживали за установлением русско-ойратских отношений и тарскому воеводе указывали полностью информировать об их состоянии и изменении.

Помимо Тары, в переговорный процесс с ойратами включился и Томский город, когда в 20-х числах мая 1607 г. здесь объявились послы от тайшей так называемых «черных калмыков» — Изиней (Бизиней), Узеня и Абака (главы «белых калмыков»). Эти владельцы просили царские власти взять их под защиту от казахов и Алтын-хана, предоставить рынок для торговли лошадьми, и они готовы даже были для этого встать «под царскою высокою рукою неотступным». Из Москвы поступили указания во многом сходные с теми, которые были получены в Таре, и спустя полтора года, в середине октября 1608 г., к указанным тайшам были отправлены в посланцах конные казаки Бажен Константинов, Иван Попов, Игнат Кудров и толмач Дружин Есырь. По дороге они должны были заехать к «белым калмыкам», которых власти рассматривали как посредников в предстоящих переговорах уже с «черными калмыками», т. е. с ойратами. Но дальше кочевий «белых калмыков» томским посланцам так и не удалось выехать, так как там они узнали, что «черные калмыки» ушли на дальние кочевья, выступив в поход против Алтын-хана и Казахской орды. Часть «калмыков» откочевала от Изиней и Узеня и представляла угрозу для посланцев. Последние так и не решились продолжить поездку и вернулись в Томск.

В то время как томские власти пытались установить отношения с ойратами, тарские жители и местные татары уже пользовались сложившейся возможностью завязать торговые отношения с близлежащими ойратскими улусами. Например, летом 1608 г. в ойратские улусы с русскими товарами ездила группа тарских жителей, вернувшись обратно только в конце декабря этого года. С ними прибыли и послы от Далай-Батура и Эзиней — Игтей и Катай. С их слов также стало известно о начавшихся военных действиях ойратов против Алтын-хана и казахов. В то время как ойратское войско ушло на войну, семьи и имущество было оставлено на прежнем кочевье, в 10 дней пути от Тары, причем торговый обмен с ойратами был весьма выго-

ден для тарских жителей: за однорядки и другие вещи они получили меха, лошадей, скот и даже 10 душ ясыря. Заключенное соглашение с царским правительством позволяло тайшам теперь не опасаться за безопасность своих семей и имущества во время военных действий, и они не скрывали своих надежд на дальнейшее русско-ойратское сотрудничество.

Правительство Василия Иванович Шуйского с большим вниманием отнеслось к этой информации, и из Москвы немедленно вышел указ о категорическом запрете служилым людям нападать на ойратские улусы. Тайшам с их улусными людьми разрешалось кочевать на государственной земле «безо всякие боязни». Но при этом местным властям предписывалось привести лично тайшей к шерти, взять у них «заклады», т.е. аманатов или заложников, и собирать с них ясак лошаадьми. Также власти были не против видеть тайшей лично в Москве, чтобы пожаловать их «великим жалованьем». В целом условия были те же, что и год назад. На начальном этапе становления русско-ойратских отношений правительство было заинтересовано и в покупке скота и лошадей. Пунктами торговли с калмыками были определены: Тара, Тобольск, Тюмень, Пермь (Чердынь), Уфа, Казань и Москва. Калмыцких торговых представителей, едущих с «конскими базарами» в русские города, предписывалось пропускать без задержек и обеспечивать подводами и провожатыми.

Узнав об активных переговорах тайшей с русскими властями, другие торгутские тайши, кто не входил в дербето-торгутскую группировку Далай-Батура и Эзинея, также включились в переговорный процесс. Все началось с поездки за солью на озеро Ямыш отряда служилых людей под командой ротмистра Воина Волконольского и атамана Василия Тюменца. Не доехав до озера дня за три, в урочище Белые Воды они случайно наехали на торгутские улусы Улченея (Илю-Цензе, дяди Хо-Урлюка), Тогачи Тохтораева, Буярана Улчиева и Дубенея. В результате переговоров Улченей и Хо-Урлюк шертовали на том, чтобы им быть под царскою рукою и войною под сибирские города не приходить.

В ходе расспроса приехавших в июне 1608 г. в Тару их посланцев, Шапкулы Татугуева и Кургая Белгетеева, выяснилось, что

группу этих пяти торгутских тайшей возглавляет Хо-Урлюк, а численность их улусов составляет всего 4 тыс. людей. В Москве также благожелательно отнеслись к контакту тарских властей с этой группой владельцев и указали разрешить им кочевать на государевой земле, не подвергать какому-либо нападению со стороны служивых людей, обложить ясаком и, приведя к шерти, взять у тайшей аманатов.

После поездки в Москву ойратские послы Арлай и Баучин вернулись в Тару, откуда их воевода И.В. Мосальский в начале сентября 1608 г. отправил в улусы в сопровождении Оники Чернова и 6 сопровождающих лиц. Тарские посланцы должны были передать тайшам примерно все те же условия, что и до этого озвучили ойратским послам: официальное разрешение кочевать по государевой земле на Иртыше, Камышлове и Оми; безопасность и защита со стороны государевых людей от неприятелей; выплата тайшами ясака лошадьми и скотом, а также предоставление им рынка под Тарой для продажи; приглашение владельцев в Тару для «шертования» и выдачи аманатов. В середине декабря Чернов вернулся в Тару вместе с новыми ойратскими посланцами. Среди них присутствовал уже приезжавший ранее в Тару и ездивший в Москву татарин Арлай Урлаков, представлявший интересы тайши Эзиня. Дербетского Далай-Батура представлял уже Буя Буланов, а торгутского Хо-Урлюка – Горзя Манибеев.

В улусах Онику Чернова встретили довольно приветливо, и Эзиной и Далай-Батур, с его слов, «нашему де жалованью они ради и под нашею де рукою бытии хотят». Тайши объяснили свое отсутствие в Таре осенью этого года, поскольку находились в походе против Алтын-хана, а также выпавшим глубоким снегом, который не позволил им пригнать на продажу лошадей и скот. Только на весну следующего года они планировали дать шерть и для этого ждали приезда в район реки Омь и соляных озер Алексея Поленова с жалованьем. Приезжать лично в Тару ойратские владельцы отказались. По вопросу выдачи ясака послы объяснили, что «ясаку де они преж сего никому не даывали». В целом тайши отказались не только платить ясак, но и выдать аманатов.

В конце марта 1609 г. ойратские послы выехали из Тары обратно в улусы в сопровождении казака Поспела Голубина с тремя товарищами. Посланцы должны были еще раз передать Эзинею, Далай-Батуру, Ужену, Урухтаю, Улчечею и другим тайшам, чтобы они со своими улусными людьми «были под царскою высокою рукою». В конце июля они вернулись в Тару с сообщением, «что кочюют де колмацкие тайши все вместе», а также о кончине старшего торгутского владельца Эзинея. По словам Голубина, над всеми тайшами указанной группировки улусов главенствуют вдова Эзинея, Абай, и Кошевчей. Именно в улусе вдовы собрался съезд владельцев по поводу переговоров с тарскими посланцами.

В улусах Голубин столкнулся с новым настроением тайшей к прежним договоренностям, которые до этого были обговорены с ойратскими послами. На предложение Голубина приехать в Тару, чтобы лично шертовать и пригнать скот и лошадей на продажу, то старшие тайши теперь категорически отказывались это делать. Мотивировали они это подготовкой к военному походу на казахов, поскольку владели информацией о возникшей междусобице в Казахской орде. Организовать торг владельцы предложили непосредственно в ойратских улусах, куда для этого приглашали воевод и торговцев с «дорогими» товарами. Царское жалованье они готовы были получить в предгорье *Иман Камня*, вверх по Иртышу. Своих послов, как объяснили тайши, они посылали в государевы города не для переговоров о выплате ясака, а чтоб им с государевыми людьми не воевать. Как оказалось, указанные владельцы не уполномочивали своих послов вести переговоры о взимании с них податей в пользу Московского государства, наоборот, сами собирали ясак с «белых калмыков». Тон на переговорах задавала именно вдова Эзинея, Абай, которая указала на существующий в тот момент конфликт ее подвластных с татарами Барабинской и Теренинской волостей, причем она не преминула пригрозить Голубину, что в случае, если местные власти не уймут татар, то ойраты готовы были сами применить против них силу.

В целом Голубин столкнулся с резким неприятием его со стороны тайшей и их улусных людей. В тайных разговорах с полоняниками те ему прямо указывали на неискренние цели поездок ойратских пос-

лов в сибирские города и предупреждали о возможной опасности со стороны ойратов для государевых людей, направлявшихся степью за добычей соли.

В Москве внимательно отнеслись к полученной информации из Тары о результатах поездки в улусы Голубина, но все-таки продолжали упорствовать, указывая тарскому воеводе Мосальскому снова отправить к тайшам посланцев с прежним предложением. В противном случае потребовать от ойратов освободить «государевые» земли по Оми, Иртышу и Камышлову. Если бы это не возымело действия, послать против указанных улусов вооруженные отряды служилых людей из всех сибирских городов «с огненным боем». Власти не теряли надежды на продолжение отношений с Хо-Урлюком и Корсуганом, которым также указывалось отправить жалованье и взять у них аманатов из «лучших людей».

О ситуации в ойратских улусах весной 1609 г. сообщал и князь так называемых «белых калмыков» Абак, который прибыл в Томск в апреле. Приезд телеутского князя стал возможностью с его помощью установить более тесные контакты с ойратскими тайшами. Ему было указано отправить своих лучших людей к тайшам, чтобы пригласить тех в Томский город, на что князь дал свое согласие. Однако, по его данным, ойраты в это время выступили в дальний поход против казахов и Алтын-хана. Вместе с тем Абак рассказал о существующей усобице внутри ойратского общества, а также о смерти Эзиня.

Летом 1609 г. ситуация в окрестностях Томска была весьма напряженной, и причиной этому были набеги неизвестных «черных калмыков». В ночь на 4 июля томские татары неожиданно были атакованы небольшой партией «черных калмыков», особенно те, кто находился в сторожах Томска. Часть татар была переранена, другая часть – захвачена в плен, а их скот отогнан. Нападение было спланировано, поскольку нападавшие, по всей видимости, знали об отправке значительной части томского гарнизона против енисейских киргизов, и которые вернулись в тот же день, уже после случившегося нападения. Отправленный за калмыками отряд служилых казаков вскоре вернулся обратно в Томск, так и не нагнав нападавших. Мирза «белых калмыков» Борзакай убедил их вернуться обратно, поскольку

его князь Абак уже направился в погоню за указанными «черными калмыками», «послыша их воровство». 9 июля Абак прислал в Томск мирз Изекея и Урзубая с отбитым у «воровских калмыков» полоном. Отряд «черных калмыков» Абаком был уничтожен.

Неудачные результаты поездки в ойратские улусы П. Голубина не отбили желание тарских властей продолжить переговорный процесс с тайшами и все-таки привлечь их «под государеву руку», как того требовала Москва. В 1610 г. в документах отмечается еще одна поездка тарских посланцев к ойратам. На этот раз воевода И. Мосальский отправил к тайшам литвина Савву Михайлова и Игната Еманакова. Посланцы должны были им передать, «чтоб они от царские милости не отбывали», и выдали на Тару изменников Илейку Качукова и Ивашку Енгуватова. Указанные «изменники» участвовали в недавнем набеге под Тарский город вместе с 200-ми калмыками, отогнав у тарских жителей лошадей и скот и убив при этом 10 татар. Эта миссия, как предыдущая П. Голубина, также закончилась ничем, так как тайши наотрез отказались давать ясак и приезжать в Тару для дачи шерти.

Однако устное заверение ойратских владельцев об их мирном отношении к государевым людям не убедили московские власти, тем более что на деле, так и не дав шерти, улусы тайшей продолжали кочевать на государевой земле, а вооруженные нападения их людей продолжались. Поэтому с началом 1611 г. по государеву указу из Тобольска, Тюмени и Тары должны были выступить против ойратов вооруженные отряды служилых людей и татар.

2.2. Русско-ойратские отношения во втором десятилетии XVII в.

Примерно с 1611–1612 гг. в документах отмечается всплеск вооруженных столкновений русских ратных людей с ойратами. И хотя имеющиеся документальные материалы не передают нам всю информацию об этих конфликтах, можно с уверенностью отметить, что именно с этого времени русско-ойратские отношения после установления отношений, которые, несомненно, носили в целом мирный характер, переживают непростой период.

Так, в 1612 г. отмечается разгром государевыми ратными людьми неизвестной и многочисленной группы ойратов на озере Колмак. Все началось с набега ойратов в этот район, в ходе которого они выбили отсюда многих местных охотников, отняв у них зверовые угодья. В Таре был срочно сформирован отряд из 300 служилых людей и татар под командой рохмистра Воина Волконевского, атамана конных казаков Третьяка Кутукова, тарского головы Болдана Бойгача и атаманов Пospела Голубина и Алексея Романова. В районе озера Кизирла ойратский улус тарцами был разбит. На месте выяснилось, что это было владение некоего тайши Куагая Тургенева и старшего брата Булата, Ентугая. В плен были взяты и доставлены в Тару жена некоего Айбагая и дети Анчадая-тайши. Все участники удачного для тарцев похода были вознаграждены дополнительным жалованьем, доставленным из Перми.

Военные удары по отдельным ойратским улусам, зашедшим на государеву землю, сопровождались и военной разведкой о передвижениях кочевников. Для этой цели использовались водные средства или струги, курсировавшие по речным маршрутам. Так, в июле 1613 г. из Тары вверх по Иртышу до Ямышевского озера были направлены в разведку на стругах отряд служилых людей, состоящих из литовцев, немцев, казаков и стрельцов, под командой уже известного нам атамана Третьяка Кутукова и тарского головы Богдана Петрова. Им была поставлена задача – проведать об ойратах, насколько близко или далеко они кочуют от Тары и ясачных волостей. 15 июля они обнаружили передвижение неизвестного ойратского улуса, двигавшегося вниз по Иртышу, в районе Большого озера.

Тарские служилые люди внезапно атаковали указанный улус и без потерь отступили.

Следующее вооруженное столкновение тарцев с ойратами произошло уже в начале октября. На этот раз бой тарцев произошел с ойратским улусом, который переправился на левую сторону Камышлова, выше Чеканбаши. И в этот раз указанный ойратский улус был разбит, а в плен попали зять тайши Тургеня, Байгуш-тайша, с женой и детьми. В это же время другой тарский отряд под командой атамана Пospела Федорова на Катунском перевозе разбил другой ойратский улус или отряд и без потерь возвратился. Все эти военные успехи тарских служилых людей были оценены властями дополнительным жалованьем.

Понесенные поражения отдельных ойратских тайшей, сопровождаемые захватом пленных и имущества, никак не могли остаться без внимания старших тайшей. Возникший вооруженный конфликт они пытались решить мирным путем, посредством переговоров. Действительно, сразу же после октябрьских столкновений в Тару прибыли ойратские послы. Примерно 5 декабря сюда прибыли представители тайшей Тургеня и Далай-Батура – Авгачка, Далан и Чедутай. Именно они дали шерть «по своей вере» в том, чтобы их улусным людям не приходиться войной под Тару и ясачные волости и предоставить возможность государевым людям совместно с ойратами добывать соль в Ямышевском озере, причем указанные тайши могли отвечать за действия только своих улусных людей. В случае военного прихода в Тарский уезд других ойратских тайшей, то Тургень и Далай-Батур обязывались совместно с государевыми людьми защищать Тару и его жителей. Договор также обязывал произвести обмен пленными. В Москве с вниманием отнеслись к данной информации и из Приказа Казанского дворца на имя тарского воеводы Ивана Михайловича Годунова было выслана грамота об отправлении в улусы указанных тайшей юртовского татарина Едигеря, чтобы тот учинил с ними договор, а также отыскал в их владениях и вернул весь русский и татарский полон.

В начале XVII в. восточные границы Большой Ногайской Орды начинались в районе Эмбы. Среди ногайских мирз пронесся тревожный слух о поездке ойратских послов в Москву и получении ими

разрешения подчинить ногайцев власти тайшей. Во втором десятилетии XVII в. огромное пространство между Самарской Лукой и Аралом почти ежегодно становилось ареной постоянных стычек калмыков с ногайцами.

Об опасности появления калмыков в районе Яика был предупрежден и московский царь Михаил Федорович, планировавший в 1613 г. отправить своих послов к персидскому шаху Аббасу. В силу невозможности проезда в Персию морем через Астрахань, занятую в то время мятежным атаманом И. Заруцким, посольство вынуждено было ехать окружным путем по Ногайской степи к Яику, а оттуда через Ургенч. По сообщению среднеазиатских купцов, обстановка в Ногайской степи была беспокойной.

Такие опасения не были беспочвенными, так как в 1613 г. был отмечен переход через Яик 4-тысячного отряда калмыков и внезапное его нападение на ногайский улус мирзы Кель-Мухаммеда. В ноябре в Уфе стало известно от башкир, что объединенный отряд, состоящий из ногайцев, астраханских стрельцов, крымцев, казыевцев и черкесов, под началом Иштерека и Кель-Мухаммеда двинулся против калмыков. Местом предполагаемого сражения была назначена «великая гора Урук». Результат этого вооруженного столкновения стал известен из сообщения в Москве ногайского посланца Кары Богатыря, согласно которому, Иштереку якобы удалось разгромить ойратов.

Новый фронт ойратами был открыт и в Средней Азии. Еще в 1615 г. у них возник конфликт с бухарцами, когда были разгромлены и ограблены два их торговых каравана. Практически дорога между Бухарой и сибирскими городами, которая занимала 4 недели пути, была полностью ойратами перекрыта. Поскольку для бухарцев торговля имела жизненное значение, то они предъявили ойратам ультиматум – прекратить бесчинства, а в случае отказа начать против них военные действия. Казахский правитель г. Саврана, Аблахан, предлагал русским властям совместно очистить степь от ойратов, а сибирские воеводы советовали государю построить на реке Ишим крепость или острог, чтобы таким образом сократить до двух недель расстояние пути до Саврана, увеличить пошлину и вынудить в конечном итоге ойратов уйти с окрестных степей.

Летом 1615 г. отмечается новый всплеск военной активности ойратов на сибирском направлении, хотя весной этого года в русско-ойратских отношениях наблюдалась положительная тенденция. 3 мая в Тару прибыли ойратские послы Алгачак, представлявший интересы тайши Тургеня, Буга, уполномоченный от Хо-Урлюка, и представитель Далай-Батура. Результаты переговоров в Таре нам не известны, но, судя по характеру дальнейших событий, они, по всей видимости, были не совсем положительными. Отправленный для дальнейших переговоров к тайшам вместе с послами толмач Алексей Масалитин был вынужден вскоре бежать к казакам атамана Еремея Пружинкина, добывавшим соль на Соляных озерах. По словам Масалитина, в дороге ойратские послы якобы ему угрожали убийством, и тот, боясь за свою жизнь, бежал от них к рыбакам на Отмас, откуда наблюдал передвижение крупных воинских сил ойратов вверх по Камышлову в сторону реки Ишим.

Не исключено, что отправку послов Тару тайши использовали и для сбора разведывательной информации о положении дел в Тарском уезде. Несомненно, что движение отдельных ойратских улусов получило уже западное направление, в район Ишима и Тургайской ложбины. Также обращает на себя и тот факт, что Хо-Урлюк действует заодно с дербетским Далай-Батуром, а их действия по отношению к московским властям в Сибири носят уже скоординированный характер.

Судя по документам, тарские власти не желали отказываться от переговорного процесса, и в 1615 г. была еще одна отправка русского посланца к ойратам. Это был конный казак Влас Калашников, которого тарские воеводы Петр Лутохин и Федор Старов отправили к тайшам. На этот раз Калашникову удалось достичь улусов и встретиться с владельцами Тургеном, Бутаком, Малдышерем и другими, которых, по его словам, удалось привести к шерти, чтоб «им быти под царскою высокою рукою». По всей видимости, Калашников у указанных тайшей встретил довольно радушный прием, и они с ним отправили в Тару своих послов, но из-за наступившей зимы с большими снегами, казаку пришлось вернуться и зимовать в улусе тайши Малдышери. Только весной следующего 1616 г. он прибыл в Тару с послами Кунаем и Баатырем, представителями тайшей Табутаея и Малдышери.

Переговоры в Таре проходили по вопросам возможности взаимных торговых отношений и продолжения посольских контактов. Не остался без внимания и вопрос безопасности на приграничных «зверовьях» и «перевозах», где происходили наиболее частые вооруженные стычки между ойратами и государевыми людьми или ясачными татарами.

Результаты этих переговоров в Таре были донесены затем в Тобольск, куда был недавно назначен воеводой Иван Семенович Куракин. Со временем центральная власть расширила компетенцию тобольского воеводы. Фактически Тобольск становился центром, осуществлявшим связи с ойратами. Например, в 1616 г. без санкции тобольского воеводы И. Куракина тюменский воевода уже не мог отправить вооруженные отряды против ойратов. Такая позиция правительства, возможно, отчасти объяснялась большим влиянием Куракина в придворной среде, где его ценили как умного и дальновидного администратора.

Взяв на себя все функции управления сибирским краем, в том числе и отношения с ойратами, И.С. Куракин отправил послами к тайшам, в том числе Далай-Батуру и Хо-Урлюку, тобольских служилых людей — литвина Томилу Петрова и астраханского казака Ивана Куницына. Им было указано донести до тайшей, чтобы те «были под нашею царскою высокою рукою, и послов оне своих к нам посылали, и торговым людем со всякими товары в наши сибирские города ходить велели, и без нашего б указу в нашей отчине на Оме и на Камышлове реке не кочевали». В случае решения тайшами кочевать на государственной земле, они должны были именно ему прислать своих послов.

В то же время центральные власти строго-настрого запретили всем сибирским воеводам посылать против ойратов своих ратных людей. Например, такое строгое взыскание получил из Приказа Казанского дворца тюменский воевода Федор Семенович Коркодинов, который часто игнорировал поручения нового тобольского воеводы И.С. Куракина о запрете подобных действий.

Однако одним из главных, если не самым главным, «раздражителей» в русско-ойратских отношениях были антирусские действия ку-

чумовичей, которые с отдельными мелкими тайшами совместно действовали против государевых людей. К ним в первую очередь можно причислить кучумовича Ишима, который практически не имел никакой опоры и поддержки, кроме ойратов, и жил со своей семьей и немногочисленной свитой в ойратских кочевьях или по соседству с ними. Соответственно и действовать он был вынужден с оглядкой на своих покровителей. Так, нам известно из сообщения ясачных татар, выходцев из калмыцкого плена, что с Ишимом кочевали тайши Салбар и Кошур, у которых всего насчитывалось 500 улусных человек. Именно эти люди представляли реальную угрозу сибирским владениям Московского государства, и именно от них в 1616 г. ждали всякого рода угрозы нападения на ясачные волости в Тюменском и Тарском уездах.

Вернемся к самой поездке в ойратские улусы Т. Петрова и И. Куницына, о чем они подробно изложили в своих «распросных речах» в Посольском приказе. Выехали они из Тобольска в «Колмацкую землю» в апреле 1616 г. При встрече послы передали Далай-Батуру и другим тайшам, а также сибирскому царевичу Ишиму, требования и условия мирного сосуществования, которые они получили от воеводы. Тайши, по словам посланцев, согласились «государю служить и во всем радети ради, и под его государевою рукою быти готовы». В случае готовности царских властей их действительно пожаловать, то тайши соглашались прислать в сибирские города торговые и посольские миссии, «государю во всем служить готовы». Также ойратские владельцы готовы были решить и территориальный вопрос. В случае каких-либо вооруженных конфликтов с государевыми людьми, то тайши готовы были отвести свои улусы от границы. Все эти условия были закреплены шертью, которую дали Петрову и Куницыну ойратские владельцы.

Обращает на себя внимание и описание русскими посланцами так называемой «Калмыцкой земли», тем более что в документах XVII в. оно встречается в столь подробном виде впервые. Так, путь Петрова и Куницына от Тобольска до ойратских кочевий занял в общей сложности пару месяцев, т. е. прибыли они туда примерно в июне 1616 г. Остановились они в дербетском улусе Далай-Батура и прожили там

около месяца. Это было не случайным, так как, по их наблюдениям, Далай-Батур являлся «начальным тайшой у всей Колмацкой земли». У дербетского тайши было четверо братьев, двух из которых звали Куанай-тайши и Исентур, а также большое количество двоюродных братьев и племянников. Ближайшими сподвижниками Далай-Батура, так называемыми «думчими ближними» были хошутский Чокур и торгутский Хо-Урлюк. У русских посланцев не было возможности сосчитать, сколько всего по численности насчитывалось в указанной ойратской группировке, но в разговорах с местными кочевниками слышали, что в распоряжении четырех старших тайшей может собраться по 10 тыс. воинов. Принимал их Далай-Батур не в кибитке, а в большом шатре бухарского производства, наличие которого имелось у всех старших тайшей.

Весьма любопытны их сведения о взаимоотношениях ойратов с соседними государствами и народами. Так, сибирский царевич Ишим, с которым у них была личная встреча, жил с небольшой свитой в ойратских кочевьях. С его стороны посланцы встретили добрый прием, и в разговоре царевич выразил желание отправить своего человека с грамотой в составе ойратского посольства в Тобольск, «что он на государево имя быти хочет». Им стало также известно, что Большая Казахская и Киргизская орды находятся по отношению к «Колматцкой земле» в «подданстве и послушанье», что говорит о закончившейся недавней войне в пользу ойратов. Далай-Батур отдавал захваченный казахский и киргизский ясырь безвозмездно посланникам, чем заслужил со стороны тюркских правителей этих орд большое уважение. Хотогойтский Алтын-хан, выступавший в союзе с китайским правителем, «колматцким человеком силен», что вынуждало платить им ежегодный ясак по 200 голов верблюдов и 1 000 голов скота с каждого владения тайши. Именно в улусе Далай-Батура русские посланцы наблюдали приехавших за ясаком к ойратам людей Алтын-хана и китайского императора. Торговые отношения ойратов с Китаем развивались в основном через приграничные китайские города, но часто даже из самой столицы приезжали к тайшам от императора посланники с «поминками» в виде кусков различных тканей. По слухам, услышанными русскими в кочевьях, к ойратам с товарами

приезжали люди не только из близлежащих земель и государств, но даже арабские торговцы из далекой Аравии.

При этом Петров и Куницын имели возможность не только детально расспросить монгольских и китайских посланцев об их государствах, но и быть свидетелями активного распространения буддизма среди ойратов, который пришел к ним именно из этих государств. Ойраты, как отмечали посланцы, веротерпимо относились к христианским атрибутам, взятых у русских пленников, которые к ним попадали в результате набегов на ногайские улусы.

Большое внимание посланцы уделили и военной организации ойратов. По их наблюдениям, «бой де у колматцких людей лучной и копейной и сабельной, и пищали есть же, а пороху де у них мало». Огнестрельное оружие кочевники использовали редко, поскольку порох в качестве трофея они могли добыть только в результате военных успехов над бухарцами. Боевое снаряжение ойратского воина выглядело следующим образом: «А на бой ездят в куюках в железных да в шишаках, а в куюках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля не имет». Военная тактика в бою происходила в три напуска: «первой напуск с луки, другой с копья, третий с сабли». В случае стойкости противника ойраты могли и отступить.

В целом прием тайшами посланцев из Тобольска был на высоком уровне, как они сами отмечали, «была от них честь великая, и кормы были довольны, и отпустили честно, и из земли своей провожали, и своих послов в Тобольск с ними вместе отпустили». К сожалению, имена ойратских послов в документах не отражены, кроме того, что это были представители дербетских тайшей Далай-Батура и Исентура, а также сибирского царевича Ишима, нам не известно. В качестве подарка они послали царю пару коней, которые были проданы в Тобольске на царское имя.

На приеме у тобольского воеводы Куракина посланцы передали главную просьбу тайшей, чтобы государь разрешил им кочевать на «государевой земле блиско сибирских городов, а они под государевою высокою рукою бытии хотят». На эту просьбу воеводы могли только предложить тайшам отобрать из ближайших родственников «лучших людей» и отправить их в Москву «для подлинного догово-

ру»), в том числе и для решения территориального вопроса. В противном случае, т. е. «не бив бы челом и не послав к государю послов», сибирские власти отказывались дать разрешение кочевать ойратам на «государевой земле». Посланцы также выразили желание тайшей отправить свою представительную делегацию в Москву, но, по их словам, ранее от прежних воевод, которые были в Тобольске и на Тюмени, происходила «обида и грабеж». Но в Тобольске они получили хороший прием, а посланцы были взяты на полное довольствие и им были даже выданы в качестве жалования сукно и платя.

Однако такой дружественный прием, оказанный дербетским посланцам в Тобольске, оказался исключительным, и опасения тайшей, касательно безопасности, были не беспочвенны. Параллельно с отправкой делегации в Тобольск тайши отправили такое же представительство и в Тюмень. В основном это были представители тайшей Байбагаса, Четана и Керенти. Тюменский воевода Федор Иванович Коркодинов весьма враждебно встретил посланцев, и, как сообщали тюменцы в Тобольске, «тех колмаков пограбил, многие лошади и овцы поймал на себя». Как оказалось, в Тюмени в это время был сильный конский падеж, а лошади были отобраны у посланцев с целью, чтобы организовать погоню служилых людей за беглыми татарами. Большинство из числа этих лошадей в ходе преследования были загнаны, а оставшиеся затем были возвращены ойратским посланцам, но «ехать на них немочно». По всей видимости, эта делегация пригнала собой какое-то количество лошадей и овец на продажу, но продать их по рыночной цене в Тюмени они так и не смогли. Местный воевода, конфисковав лошадей и часть овец, на оставшихся у посланцев овец установил заниженную цену в 2 гривны за одну голову. Ойратским посланцам ничего не оставалось делать, как продать оставшихся овец за низкую цену, в то время как Коркодинов конфискованных овец продал за 40 алтынов и полтора рубля за одну голову. Вдобавок тюменские власти, задержав прибывших ойратов на долгое время, отказали им в продовольственном обеспечении, что заставило их перебиваться поеданием павших лошадей. По словам самого воеводы, если крымские и ногайские послы в Москве якобы сами вынуждены покупать воду, то еду тем более им никто не подаст. Прием послан-

цев тайшей в Тюмени оказался настолько унижительным со стороны Коркодинова, что отправленный с ними в улусы посланцем Гаврила Иванов с товарищами побоялся ехать к тайшам и по дороге сбежал в Тобольск.

Узнав о перечисленных бесчинствах тюменского коллеги, тобольский воевода И. Куракин, понимая о возможных негативных последствиях для русско-ойратских отношений, срочно информировал об этих фактах Москву. Боялся он не только за возможный отказ тайшей от переговорного процесса, но и за безопасность своих посланцев, уже отправленных в ойратские улусы. Но, по словам Василия Тыркова, ездившего в Тюмень для «ссыску», ойратские посланцы понимали, что действия Коркодинова идут вразрез с той политикой, которую проводил Куракин в отношении ойратов. Поэтому ойратская сторона собиралась в дальнейшем пожаловаться на тюменского воеводу непосредственно Куракину, ведавшему всеми сибирскими делами. Со своей стороны тобольский воевода за «грабеж» Коркодинова посланцев в Тюмени планировал выплатить им компенсацию из государственной казны.

Среди документов того периода сохранилось и сообщение самого Ф. Коркодинова о приезде указанного ойратского посольства в Тюмень. В заслугу себе он ставил поимку беглого «калмыцкого ясыря» Алтикея, который под пытками признался в попытке донести тайше Юре (возможно, Зорикту) сообщение посланцев, что «хотят их на Тюмени побить, и они б де пришли под сибирские города войною». Тюменский воевода срочно дал всем знать, в первую очередь башкирам, о возможной калмыцкой угрозе. Это еще раз подтверждает сообщение Куракина в Москву о враждебных действиях Коркодинова по отношению к ойратским посланцам.

В правительстве Михаила Федоровича отрицательно отнеслись к действиям тюменского воеводы, который, во-первых, не сообщил напрямую в центр о приезде к нему ойратов, узнали только после сообщений об этом из Уфы и Казани. Во-вторых, ему прямо указали тех посланцев беречь и кормить. Стоит отметить, что это сообщение Коркодинову было отправлено еще до присылки в Москву подробно отчета Куракина.

Из другого документа, царской грамоты на имя Коркодинова от 16 ноября 1616 г., нам становится известно, что ойратские посланцы прибыли в Тюмень в начале августа. Главной целью их было выкупить из русского плена некоего абыза Бакшу, за которого предлагали воеводе Коркодинову 30 лошадей и 100 овец. Но местные власти не спешили его отдавать тайшам, поскольку владели информацией, переданной от ездившего недавно в улусы В. Калашникова, что «тот абыз Бакша был человек честной и с колмацкими людьми тем абызом учинитца добро многое». Тобольский воевода Куракин передал Коркодинову, чтобы тот не смел его отдавать посланцам, а с усиленной охраной отправил его в Тобольск, в чем получил и поддержку Москвы.

В 1617 г. переговорный процесс в русско-ойратских отношениях продолжился. В начале июня по царскому указу тобольский воевода И. Куракин отправил в ойратские улусы атамана Ивана Савельева с приехавшими весной этого года в Тобольск посланцами от тайшей. Целью было не только продолжить торговые отношения, но и предложить Далай-Батуру отправить в Москву представительную делегацию: «видети царские пресветлые очи и его государскую к себе милость». Путь пролегал от Тобольска вверх по Иртышу до «мечети колмацких людей», называемой русскими людьми «Даниловым кладбищем», 6 недель пути. Затем маршрут уходил вправо от реки в сторону Казахской орды, и степью до улуса Далай-Батура они двигались еще 10 дней. По пути посланцы обогнули несколько крупных озер, одно из которых называлось *Улюкаб* (возможно, это нынешнее озеро Улькен-Карой). Надо сказать, что самих ойратских кочевий они достигли только на четвертую неделю и далее двигались уже по занятым кочевниками местам.

Первоначально посланцы остановились в улусе тайши Каная, которому дербетские послы сообщили, что Савельев направляется из Тобольска к Далай-Батуру и другим тайшам «приводить их под государеву руку». По словам самого Савельева, приезде русского посланника Канай и его улусные люди весьма были этому рады. От улуса Каная до ставки Далай-Батура путь у них занял еще пару недель и на протяжении всего маршрута Савельеву был оказан теп-

лый прием. Непосредственно в улус Далай-Батура они прибыли в августе, причем поселили русских посланцев от «Богатырева стану перестрела с 3 (мера расстояния, равная полету стрелы. — *В.Т.*)». Для нас, несомненно, представляет интерес «расспросные речи» атамана, где он подробно описывает ставку дербетского тайши, в которой «изб не было», а были только войлочные кибитки. В этой «большой приезжей избе», большой кибитке для приема приезжих гостей и посланцев, представители русской стороны были приняты на следующий день после приезда одновременно с казахскими и киргизскими послами.

Перед началом церемонии приема им навстречу вышел служитель-татарин, который переписал и забрал у посланцев все привезенные ими подарки и товары у торговцев. Затем подарки занесли в кибитку и положили перед тайшей, и только после этого посланцев допустили к ойратскому правителю. Далай-Батур, именуемый по-русски «Богатырем», сидел в кибитке на земле на войлочном ковре, согнув ноги, а около него сидели двое сыновей и двое лам. По другую сторону тайши, т. е. с женской стороны, стояла низкая дощатая кровать, накрытая коврами, возле которой сидела его старшая жена. К сожалению, посланцы не запомнили их имен. Тут же на приеме присутствовали и двое казахских и пятеро киргизских послов. При зачитывании царской грамоты с произнесением царского титула Далай-Батур подчеркнуто уважительно встал и выслушал ее стоя, после чего предложил присесть русским посланцам и разговаривал с ними уже сидя, расспрашивая про государя, Московское государство и его народ, о трудности поездки и обеспечивали ли в дороге послов продуктами его улусные люди. В целом переговоры затрагивали главные вопросы взаимоотношений, а именно: привлечение всех ойратов «под государеву руку», отказ кочевников от набегов на русские земли в Сибири, высылка к государю сибирского царевича Ишима, замеченного в недавних набегам, и приглашение в Москву ойратских послов.

Всего атаман Иван Савельев провел в ставке дербетского тайши два месяца, т. е. примерно до октября 1617 г. Из его рассказа нам известны некоторые бытовые подробности его пребывания среди ой-

ратов. Так, на пропитание им выделялось на 10 дней одна корова или бык, а на 4–5 дней по 2 овцы. С питьем было сложнее, так как не давали, пили или же на приеме у тайши, либо у его людей, но иногда приходилось и покупать. На последней встрече перед отъездом Далай-Батур устроил угощение для русских посланцев, а в напутствии им объявил, что готов быть «под государевою рукою». Каждому из посланцев на прощанье тайша подарил по коню.

Таким образом, результатом посольской миссии И. Савельева стало ответное посольство Далай-Батура к русскому царю. В начале декабря 1617 г. его послы Буга и Коомдан прибыли вместе с атаманом в Тобольск, где неожиданно для себя пересеклись с другим ойратским послом Алгачаком, представлявшим интересы тайши Тургеня. Еще в сентябре в Тару из улусов вернулись боярский сын Третьяк Харламов и Михаил Микитин, ездивших в посланцах к тайше Тургеню, который и отправил с ними вышеуказанного Алгачака с двумя сопровождающими. Поскольку посланцы Тургеня направлялись с подарками к царю, то тарские воеводы отправили их в Тобольск, где они воеводе Куракину и объяснили цель своей поездки в Москву: «чтоб государь пожаловал, велел ему (т. е. Тургеню. — *В. Т.*) быть под царскою высокою рукою и велел ему дать лекаря». Местные власти до возвращения своих посланцев от Далай-Батура решили Алгачака пока оставить в Тобольске, где в дальнейшем и произошла его неожиданная встреча с посланцами Далай-Батура. На предложение тобольского воеводы отправиться в Москву вместе с дербетскими посланцами, Алгачак неожиданно изменил свое решение: «потому что едет де ныне ко государю их большово Талай-тайши посол». По его мнению, «как де Талай и Баатырь тайши под государевою рукою будут, и их тайши под государевою царскою рукою будут все».

Здесь мы видим, с одной стороны, желание тайши Тургеня самостоятельно установить отношения с центральными царскими властями, в обход мнения старшего тайши Далай-Батура, что говорит о слабой политической координации ойратской верхушки. С другой стороны, наличие четкой градации среди тайшей, особенно в вопросах русско-ойратских отношений, все-таки заставило посланца Тургеня отказаться от планируемой поездки в Москву.

20 (30) марта 1618 г. дербетские представители Буга и Коомдан были приняты в Посольском приказе дьяком Саввой Романчуковым. По указу бояр дьяк, хотя и владел уже информацией от Куракина, подробно расспросил посланцев о цели их приезда, привезли ли они с собой какие-либо грамоты, что передал через них сам Далай-Батур и другие тайши. Все это он обещал передать боярам, а те уже в свою очередь непосредственно государю. В ответе послы констатировали, что «грамотчиков у них в Колматцкой земле нет и писать не умеют, и с ними потому от Богатыря-тайши и грамоты с ними к царскому величеству нет». О цели своего посольства они сказали дьяку следующее: «Третьенадцатой год тому, как оне учили царского величества с отчиною с Сибирью и с сибирскими пригороды знатца и к боярам и воеводам царского величества в города приезжать. И ныне у них про Московское государство вести и добрые и худые, и Богатырь-тайша с товарищи прислали их ныне проведать <...> подлинно». От имени ойратских тайшей послы выразили согласие быть «со своею Колматцкою землею под государевою высокою рукою», просили покровительства русского царя против своих врагов «во оборону и в защищенье», а со своей стороны обещали помогать Русскому государству своими войсками в борьбе с его недругами.

Дьяк Романчуков внимательно выслушал послов и указал им на отдельный момент, который они не упомянули в своем сообщении, но о котором они ранее сообщили в Тобольске воеводе Куракину. Речь шла о желании Далай-Батура, в случае положительного завершения указанной посольской миссии, отправить в Москву к государю послами людей из числа ближайших его родственников, братьев или племянников. Посланцы не могли не обойти вниманием и положительные тенденции торговых связей в русско-ойратских отношениях. Эту информацию Романчуков встретил с одобрением, а по поводу желания Далай-Батура совместно с Москвой противостоять общим недругам, дьяк предложил для решения данного вопроса прислать в столицу отдельное посольство.

Но особенно ойратских послов поразило сообщение Романчукова о том, что до них в Москве уже побывали представители их давнего противника, Алтын-хана, с челобитной о подданстве. Первоначаль-

но ойратские послы даже не поверили этому и предположили, что это могли быть послы брата Алтын-хана, поскольку сам Алтын-хан проживает слишком далеко, примерно на расстоянии трех лет пути от Москвы. Но дьяк еще раз повторил ойратам, что это были именно послы от Алтын-хана.

После завершения предварительных переговоров и по итогам приема послов Далай-Батура в Посольском приказе была составлена записка, а также справка о приезде в 1608 г. ойратских послов Арлая и Баучина к царю Василию Шуйскому. Все эти материалы были представлены Боярской думе, которая, рассмотрев их и подготовив предложения, вынесла государю Михаилу Федоровичу на окончательное решение. По царскому указу послам также были выделены одежда и подарки точно в таком же количестве и ассортименте, как и делегации 1608 г. (за исключением серебряных ковшей).

Только после этих процедур ойратские послы были приняты царем Михаилом Федоровичем. К сожалению, в документах не сохранились сведения о самом приеме, но есть документ о том, что послам была вручена царская «жалованная грамота» на имя Далай-Батура от 14 (24) апреля 1618 г., в которой подтверждалось согласие царя принять ойратских тайшей в русское подданство. Ойратские послы получили первый официальный нормативный документ от Российского государства, составленный на русском и татарском языках.

В Жалованной грамоте нет упоминаний о заложниках, о ясаке, этот документ больше похож на соглашение. Поступая таким образом, русское правительство, вероятно, рассчитывало приобрести в лице Далай Батыра верного вассала на Востоке. Такой шаг мог сыграть положительную роль в дальнейшем развитии сношений не только с калмыками, но и с другими кочевыми народами. Если до 1618 г. царские власти требовали от ойратских посольств в качестве основных обязательных условий нахождения в составе России, кроме верной службы, заложников и выплаты определенной дани, то позднее главным условием становится военная служба. Такой корректировке политики, с одной стороны, способствовало настойчивое упорство тайшей не давать аманатов и дани, с другой стороны, присоединение улусов Далай-Батура укрепило бы позиции России в Сибири.

Добровольное подчинение Далай-Батура русскому царю обеспечивало укрепление позиций России в Сибири и открывало возможность для новых территориальных приобретений без применения оружия.

Начав официально принимать ойратов в свое подданство отдельными крупными группами, царское правительство продолжало сочетать мирную дипломатию и политику силового давления. Особенно это видно на примере той части непримиримых ойратов, кто выступал против укрепления русско-ойратских отношений и совместно с кучумовичами продолжали тревожить своими набегами сибирские и Уфимский уезды. Известно, что в 1618 г. тобольский воевода И. Куракин организовал вооруженные экспедиции из тарских, тобольских и тюменских людей против указанных ойратов и кучумлян. В результате ставка царевича Ишима и кочевавших с ним тайшей была обнаружена и уничтожена.

После этого погрома Куракин срочно отправляет из Тобольска в посланцах служилых людей к Далай-Батуру с требованием выдать русской стороне главного виновника в недавнем вооруженном конфликте – царевича Ишима – и произвести скорейший обмен пленными. Дербетский тайша пошел навстречу, отправив к воеводе посланца Бабытая с тремя товарищами. В расспросе они сообщили, что захваченный в Уфимском уезде полон тайши уже отправили на обмен, а по весне 1619 г. планировался приезд основного посольства в Тобольск. Москва полностью передоверила тобольскому воеводе Куракину ведение дел с ойратами в Сибири, но при этом указывала подробно ее информировать об их состоянии.

Но антирусские выступления царевича Ишима не были единственной проблемой в русско-ойратских отношениях. Из глубин Центральной Азии к сибирским границам Московского государства стали выходить все новые улусы тайшей, не подконтрольных Далай-Батуру, а их действия носили угрожающий характер для ясачного населения. Так, в сентябре 1618 г. ясачные татары Верхней Барабинской волости обращались за помощью к тарскому воеводе Кириллу Вельяминову-Воронцову о появлении в непосредственной близости от их волости улуса Зенгул-тайши, в районе между озером Чаны, Омью и Иртышом, причем татары были осведомлены о возможном

набеге со стороны указанных ойратов, которые якобы готовили его при первых же заморозках. Получив одобрение тобольского воеводы, тарские власти снарядили против указанного ойратского улуса отряд служилых людей под командой литовского рохмистра Воина Волконавского, Болдана Байуача и атамана Власа Калашникова. В начале ноября отряд вернулся в Тару с вестью о разгроме ими улуса Сенгил-тайши. Среди захваченного тарцами полона оказался и ногайский пленник Сундук, который сообщил, что с Сенгилом совместно кочевал и Девникей-тайша, родной брат Хара-Хулы. Оба тайши планировали в ближайшую зиму организовать набег против верхних волостей Тарского уезда.

Именно с этого времени в русских документах впервые всплывает имя джунгарского тайши Хара-Хулы, которого Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи (1567–1623) в своей грамоте, направленной царю Михаилу Федоровичу в мае 1619 г., считал главным виновником в развязывании войны. Вспыхнувшая очередная война коренным образом изменила внутреннее и внешнее положение всего ойратского общества. По мнению Алтын-хана, именно этот ойратский тайша чинил якобы помехи его сношениям с Москвой и предлагал нанести объединенными силами удар по группировке Хара-Хулы. Это письменное послание свидетельствует прежде всего о том, что к концу второго десятилетия XVII в. влияние Хара-Хулы в ойратском обществе чрезвычайно возросло, он как раз и возглавил борьбу против Алтын-хана. Реальные силы Хара-Хулы все-таки были значительны, иначе Алтын-хан не просил бы русского царя о военной помощи, направив против него всех ратных людей с Томска, Тары и Тобольска. До начала монголо-ойратской войны все ойратские владетельные князья, собравшись на свой съезд-чуулган в 1616 или 1617 гг., как сообщает Батур-Убуши Тюмень, дали клятву, что не только они сами, но и потомки их из года в год, из поколения в поколение не будут наносить вреда друг другу.

В то же время из послания Алтын-хана мы видим, что действия Хара-Хулы не носили общеойратский характер. Другими словами, действовал он на свой собственный страх и риск, практически спровоцировав столкновение с могущественным соседом, с которым дру-

гие ойратские тайши пытались уладить отношения путем выплаты определенного ясака, но сохранив свои улусы в относительной безопасности. К сожалению, нам не известна конкретная реакция тайшей, в том числе и Далай-Батура, на воинственные действия Хара-Хулы.

Отсутствие каких-либо контактов с Хара-Хулой весьма беспокоило царские власти, а слухи о его возможном военном столкновении с Алтын-ханом в непосредственной близости от сибирских границ государства толкали Москву на скорое решение этой проблемы. В 1619 г. для сбора подробных сведений о группировке Хара-Хулы тобольский воевода Куракин в ставку этого ойратского тайши направил с посольской миссией служившего в Тобольске литвина Яна Куча, в задачу которого входило завязать отношения и попытаться уговорить Хара-Хулу стать под «высокую государеву руку». Ставка тайши, по всей видимости, находилась на дальних кочевьях, поэтому поездка Яна Кучи продолжалась почти полгода и сопряжена была со значительными трудностями в пути.

В целом миссия «служилого литвина» закончилась успешно, поскольку Хара-Хула, встревоженный посольской активностью Алтын-хана в его попытках создать с Москвой военную коалицию накануне большой войны, положительно отнесся к предложению русской стороны отправить в Тобольск вместе с посланцем Я. Кучей своих представителей во главе с Анучаем. В Тобольске послы Хара-Хулы получили приглашение от русских властей прибыть в Москву. Это было первое посольство тайши Хара-Хулы, побывавшее в русской столице. Стоит отметить, что из Сибири оно отправилось вместе с послами Алтын-хана и енисейских киргизов. Все они прибыли в Москву 10 января 1620 г. и было приняты в один день, 29 января, на аудиенции у царя Михаила Федоровича.

Послы Хара-Хулы были приняты после того, как аудиенцию у царя Михаила Федоровича получили послы от монгольского хутугты и Алтын-хана. Речь послов Хара-Хулы, которую зафиксировали дьяки Посольского приказа, содержит такие слова: «Каракулы-тайша з братьею и з детьми и с племянники вам, великому государю, велели бити челом, что он, Каракулы-тайша, з братьею и з детьми и с племянники и со всеми своими улусы учинилися под вашу царско-

го величества рукою, и перед вашими государевыми людьми правду дали, шерть учинили, что быти нам под царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным. И вам бы, великому государю, нас пожаловать, держати под своею царскою высокою рукою в своем царском милостивом жалованье и в повеленье и от недрузей наших во обороне и в защищенье».

Раньше официальный ответ все-таки получили посланцы Алтын-хана. В грамоте царя Михаила Федоровича на имя Алтын-хана от 24 апреля его предложение о совместных действиях против Хара-Хулы принято не было, но содержалось обещание военной помощи. Месяцем позже, 25 мая 1620 г., царская «жалованная грамота» аналогичного содержания была вручена и посланцам Хара-Хулы, в которой также подтверждалось стремление царского правительства оказать ойратскому правителю помощь в обороне от нападения со стороны его врагов.

Таким образом, мы видим, что царское правительство не просто заняло нейтральную позицию с точки зрения сюзерена по отношению к готовящемуся военному противостоянию Алтын-хана и Хара-Хулы, но и выжидательную. В принципе с позиции Хара-Хулы он добился от этой посольской миссии больше положительного результата, так как его послы впервые заручились поддержкой и добились невмешательства Москвы в их вооруженный конфликт с Алтын-ханом, который имел до этого более тесные отношения с царскими властями.

На обратном пути из Москвы ойратских послов сопровождал томский атаман Иван Белоголов. В ноябре того же года они прибыли в Тару, откуда выехали в свои кочевья. Тем временем война между ойратами и княжеством Алтын-хана была уже в самом разгаре. Сведения о событиях 1619–1623 гг. основываются главным образом донесениях представителей русской администрации сибирских городов, которые получили известия о вспыхнувшей войне между ойратами и монголами от русских людей, оказавшихся в то время в ойратских улусах, и от самих ойратов, прикочевавших к русским владениям в Сибири. Местные власти в ожидании распоряжений из центра, по-видимому, не успели предпринять какие-либо конкретные шаги, чтобы дипломатическим путем предотвратить войну.

2.3. Русско-ойратские отношения в период войны ойратов с Алтын-ханом в 1620–1623 гг.

Когда конкретно начались военные действия Алтын-хана против ойратов, сказать сложно. Авторы «Истории Калмыкии» считают, что нападение войск Алтын-хана на ойратские владения произошло не ранее весны 1620 г. Но первоначально вооруженный конфликт у ойратов произошел с казахами. Ойраты подверглись нападению со стороны казахского хана Есима (1598–1628), наследовавшего Тевеккелю, и были заняты отражением агрессии на юге. Можно предположить, что казахский хан действовал в одной антиойратской коалиции с Алтын-ханом, но в материалах прямого указания на это нет. Причина этой войны лежала все в той же политической плоскости — отсутствие у ойратов единого руководящего центра в урегулировании отношений с соседними народами и государствами.

Подробности этого конфликта, а именно его причина, становятся известны из сообщения толмача Уфимской приказной избы П. Семенова, который предположительно летом 1620 г. ездил из Уфы в ойратские улусы для сыска башкирского полона. Из этого сообщения нам становится понятно, что в то время, как одни тайши пытались выстроить мирные отношения с казахами, другие совершают нападение, подставив под угрозу не только сам переговорный процесс, но и в целом безопасность ойратских кочевий. Это говорит о серьезном политическом противоречии внутри ойратского общества, об отсутствии единства и наличии сторонников резкой конфронтации в отношении соседей. Ситуацию усугубило и открытие военных действий против ойратов Алтын-хана. Внешняя угроза побудила тайшей северо-западной группировки откочевать поближе к сибирским городам и дальше на запад, в окрестности Уфимского уезда. Русские источники сообщают о появлении в Западной Сибири кочевых улусов владетельных хошутских князей, которые наиболее всего пострадали от казахских ударов.

Возвращаясь к поездке в улусы П. Семенова, стоит отметить, что у ойратов существовали проблемы и на уфимском направлении, в частности случаи набегов отдельных тайшей на башкирские воло-

сти. Именно это было главным вопросом на переговорах Семенова с тайшами. Остановился Семенов в улусе хошутского Байбагаса, который кочевал в районе междуречья Ишима и Иртыша. При встрече толмач передал тайше слова уфимского воеводы: «что приходили их колматцкие люди на уфинские места на башкирские волости воевать, и людей многих побили, и в полон жены и детей поймали. И они б, сыскав полон, башкирцем отдали, и вперед бы на уфинские башкирские волости людей своих воевать не посылали, тем бы на себя государева гнева не наводили, и на зверовье башкирцев не побивали и не грабили». Вместе с Семеновым приехали и видные башкирские люди — князь Тевей Утегулов, Дуван-Немич Кетиков и Черя Мурзагулов, которые должны были отыскать захваченных в недавних набегах своих жен и детей. Все они были доброжелательно Байбагасом встречены и поставлены на полное довольствие — на пропитание им было выделено 100 овец.

Приезд Семенова в ойратских улусах вызвал большой резонанс, и Байбагас срочно отправил к старшим тайшам весть о срочном созыве съезда, который в конечном итоге прошел в улусе хошутского Чокура. После совещания тайши приняли общее решение: отправить в Уфу объединенное представительство, «чтоб, государь, пожаловал, велел им быти под своею государевою высокою рукою». Со своей стороны владельцы приняли общее решение: «заказ учинили колмакам всем крепкой, чтоб на уфимские волости воевать не ходить и на зверовье, съехався з башкирцы, башкирцев не побивать и не грабить». Тайши провели по улусам розыск башкирских пленных и «без окупы» их отдавали уфимскому представителю — всего 9 человек. Тайши просили царские власти о безопасном для себя кочевании по Тоболу и Кояку. От себя Байбагас в подарок к государю Михаилу Федоровичу отправил двух вороных коней, барса и 9 соболей. По словам Семенова, уже перед отъездом русского посла Байбагас лично шертвал ему за всех тайшей, «что быть под государевою высокою рукою». Подобная позиция тайшей была связана не только сохранением безопасности улусов с уфимского направления, но и стремлением установить с Уфой прочные торговые отношения.

За время пребывания в улусах Семенов сделал для себя некоторые замечания, с которыми потом поделился с уфимским воеводой. Так, по его наблюдениям, у Байбагаса на момент его приезда в улусе насчитывалось примерно тысяча человек, столько же было и у Чокура. Чуть больше тысячи улусных людей было у Хо-Урлюка. В улусе Далай-Батура — больше двух тысяч. Эти цифры весьма сомнительны и вряд ли отражают истинную численность улусов этих тайшей, но можно предположить, что большинство их улусных людей в это время находилось на военном театре действий против Алтын-хана и казахов.

Нагнетание военной ситуации в степи снова подталкивало тайшей к установлению более тесных отношений с Московским государством. Начиная с лета 1620 г. в Тобольск один за другим начинают приезжать ойратские делегации от разных тайшей. 7 июня первыми прибыли представители дербетского Далай-Батура во главе с Чиляком, всего 27 человек. Наплыв ойратских посланцев в Тобольск, возможно, был еще вызван и тем, что на место Куракина прибыл из Москвы новый воевода – Матвей Михайлович Годунов. Приезд ойратов был связан с просьбой тайшей разрешить им торг в сибирских городах. Государю в качестве подарка посланцы привезли двух разномастных коней: гнедого и серого. Тобольские власти достаточно гостеприимно встретили ойратов. 12 сентября в Тобольск прибыла уже более представительная делегация. Сюда входили представители торгутского Хо-Урлюка, хошутских Чокура и Байбагаса, Мангыта, Мандышери — всего 6 человек во главе с Тютенгом. В подарок государю тайши прислали пять разномастных коней.

В следующий приезд в Тобольске снова были посланцы Далай-Батура — Буя с 4 товарищами. Они привезли в подарок государю коня чубарой масти. В это время Алтын-хан и казахский хан Есим стали теснить ойратские улусы, которые вынуждены были подойти еще ближе к сибирским границам Московского государства. Так, Далай-Батур кочевал на Итыковых горах, в месяце пути от Тобольска. В междуречье Ишима и Тобола для ясачных татар, охотившихся здесь на зверя, нависла угроза со стороны ойратов, о чем они сообщили царским властям. Именно этот вопрос в первую очередь должен был урегулировать отправленный к тайшам боярский сын Дмитрий

Черкасов. В частности он обязан был донести лично до Далай-Батура и других тайшей, «чтоб они, не бив челом великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и не учинясь под царскою высокою рукою, на государеве земле не кочевали, и угодыями государевых ясачных людей не владели, и откочевали б от царской отчины дале, где преж сево кочевали».

Примерно с этого времени Уфа становится одним из новых центров по связям с ойратами. 19 октября 1620 г. сюда прибыли ойратские посланцы абыз Букенеев и Куту Бураков с двумя сопровождающими, а 21 октября они были уже на приеме у уфимского воеводы О. Прончищева. Выступали они от имени хошутского Байбагаса и его брата, но, как сами сообщили, были уполномочены вести переговоры и от других старших тайшей. На продажу ойраты пригнали 200 лошадей, часть из которых была продана или обменена на «рухлядь». На вопрос уфимского воеводы о наличии с ними какой-либо грамоты на имя государя, то послы ответили, что у них грамот к государю нет, потому что по их языку грамоты у них нет.

23 октября по настоянию уфимских властей ойратские послы дали шерть за Байбагаса, Далай-Батура, Чокура, Хо-Урлюка, Кунделен-Убаши и других тайшей, а также царевича Ишима: «что им к Уфимскому городу и на Уфинской уезд на башкирские волости воевать не приходит и людей не посылать, и на зверовье башкирцев, не громить и не побивать, и быть под государевою высокою рукою». В Москве положительно отнеслись к деятельности воеводы Прончищева, сумевшего привести послов к шерти и установить с ними торговые отношения. В качестве наказа ему было велено и далее поддерживать торговые отношения с ойратами, чтобы их «приучить, а не отогнать».

В течение 1620–1622 гг. в документах фиксируются неоднократные нападения ойратов на тарские ясачные верхние волости. И начало 1621 г. также было отмечено появлением отдельных ойратских улусов в Тарском уезде. После того, как в феврале ойраты заняли зверовые угоды ясачных татар, тарские власти срочно отправили конных служилых людей для их защиты, а к тайшам отправили посланцев с требованием освободить волости и вернуться на прежние свои места. В противном случае служилые люди имели право применить силу.

К сожалению, нам не известны результаты переговоров, но, судя по наличию в документах поименного списка награжденных лиц (стрельцов, казаков и служилых татар) за службу против ойратов, то можно предположить, что они закончились ничем, и тарские служилые люди вступили с нарушителями границы в бой, одержав победу.

Основную тяжесть войны против войск Алтын-хана принял на себя Хара-Хула. В результате неудач на начальном этапе войны этот тайша весной 1621 г. планировал отступить в северном направлении. По сообщению князя «белых калмыков» Абака, Хара-Хула под предлогом долгого ожидания возвращения из Москвы своих послов собирался прикочевать в междуречье Оби и Томи, угрожая отсюда напрямую Томску и Кузнецкому острогу. Положение томского гарнизона, насчитывавшим на тот момент 283 служилых человека, было очень трудным, и понятно, что с таким весьма скромными силами было сложно не только противостоять наплыву кочевников, но и контролировать весьма обширные сибирские территории.

Однако в 1621 г. первым, кто из тайшей установил отношения с Томском, был Мангит (Мангут). Примерно в начале года он прислал своих послов в город с сообщением, что он хочет быть под государевою царскою высокою рукою. В конце марта из Томска к нему были отправлены Мартын Боржевицкий, казак Иван Широков и толмач Дружина Ермолин. Посланцы должны были заручиться шертью Мангита, чтобы тот был под государевою царскою высокою рукою и государю служил во всем.

Находясь в ойратских улусах, пан Боржевицкий прислал в Томск весть, что обнаружил для добычи крупное соляное озеро в междуречье Иртыша и Оби. Именно в районе этого озера кочевали улусы сразу нескольких старших тайшей — Далай-Батура, Мергена, Чокура, Байбагаса, Сенгила и других. Виновниками конфликта с Алтын-ханом многие тайши считали Хара-Хулу и Мерген-Темене, «потому что де задрали черные колмаки Каракул-тайша, да Мерген-Теменя-тайша Алтына-царя». Именно это привело в конечном итоге к тому, по мнению тайшей, что «Алтын де царь их побил и идет де на чорных калмаков войною». По этой причине Боржевицкий советовал томскому воеводе не присылать людей за солью к этому озеру.

О тяжелом положении ойратских улусов в 1621 г. сообщали и «белые калмыки». Так, князь Тоян, приехавший в Томск в конце августа, поведал, что все тайши во главе с Далай-Батуром, Хара-Хулой и Мерген-Теменем отступили с улусами в междуречье Оби и Томи, а в устье реки Чумыш ими для защиты был построен укрепленный городок, где планировали провести зимовку. Наиболее всех от военных действий Алтын-хана пострадал Хара-Хула, который потерял в этой войне жен и детей. Ситуацию для ойратов усугубляло и то, что Алтын-хан действовал успешно в коалиции с казахским ханом, а тот — с ногайцами. Отступление ойратских улусов в северном направлении, ближе к Томску и Кузнецкому острогу, привело к потере значительной территории кочевий. Массовый наплыв кочевников к Оби в свою очередь весьма тревожил томские власти, что призывало их просить Москву о подкреплении.

Как видим их документов, 1621 г. для ойратов оказался самым тяжелым годом не только за весь период этой войны, но и за всю историю военного противостояния с Алтын-ханами. Виновником в ее развязывании большинство тайшей считали Хара-Хулу, который действовал тогда самостоятельно, без согласования с другими ойратскими владетельными князьями. Его воинственные устремления против сильного соседнего государства, по всей видимости, поддерживались далеко не всеми тайшами, пытавшимися сохранить в безопасности свои улусы. Ойратский летописец Габан Шараб указывает на один момент в истории, когда другие тайши хотели поймать Хара-Хулу, дербетский Далай-Батур их удержал от этого, сказав им, что «вьюк взрослого верблюда не под силу годовалому верблюжонку». Другие ойратские тайши перед лицом внешней угрозы вынуждены были объединиться для отражения нападения Алтын-хана и его союзников. Поражение Хара-Хулы побудило их выступить единым фронтом с джунгарским правителем против общего врага, несмотря на разделявшие их внутренние противоречия.

Отступив с улусами в Кузнецкий край, тайши начали не просто перегруппировку сил для контрнаступления на Алтын-хана, но и массово вооружаться. Помощниками им здесь выступили представители местных ясачных народов, которых насчитывалось примерно 3 тыс.

человек, занимавшихся добычей железной руды и изготовлением оружия. В этом горном регионе имелись огромные залежи железной руды, с помощью которой кузнецкие люди изготавливали разного рода оружия: панцири, бехтерцы (кольчато-пластинчатые доспехи), шлемы, копья, рогатины, сабли и другие железные изделия, кроме пищалей. В это время главными потребителями этих военных изделий стали ойраты, которые приобретали их у местных умельцев взамен на скот и лошадей. Другие кузнецкие ясачные люди, особенно те, кто жил далеко от Кузнецкого острога и не платил ясака в государеву казну, сразу же попали под власть тайшей и платили уже им ясак железом. В самом остроге на тот момент насчитывалось примерно 50 служилых людей, и, соответственно, местные власти не могли контролировать весь этот регион и противостоять ойратам в обложении ясаком всего населения Кузнецкого края.

Наступление войск Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного поражения и отступления. В мае 1622 г. ногаец Ишбердей сообщил в Астрахани, что в районе развалин городка Сарайчика на Яике объявился отряд в 800 ойратов под началом Ишима, сына Кучума, и хошутского тайши Тлеченбая – брата Байбагаса. Они разгромили кочевавших здесь татар-тумаков. Сам Ишбердей в числе 32 человек был взят в плен, но через 3 дня ему удалось сбежать и объявится в улусе Каная. Ойраты перешли в Волго-Яицкое междуречье и кочевали в урочище Насыр Хабырге. Главной целью Тлеченбая и Ишима были алтыульские татары мирзы Султаная, но, узнав, что те приняли царское подданство и кочуют под защитой Астрахани, отменили свой набег и ушли за Яик, на урочище Кайнар Сагызу. Астраханские власти так и не решились отправить посланцев к калмыкам, тем более, что они быстро исчезли из зоны видимости. В свою очередь набеги ойратов вызвали такую волну паники у ногайских мирз, что для их успокоения царской администрации пришлось расставить в улусах стрелецкую охрану. Полное отсутствие сведений о всяких посольствах из Средней Азии в Московское государство после 1622–1623 гг. было связано с ситуацией, сложившейся на старых вековых

путях с приходом в зауральские степи калмыков, которые в 1620 г. появились на берегах рек Орь и Эмба.

Выдвижение отдельных ойратских отрядов в степи Северного Прикаспия объясняет, почему в 1622 г. отмечаются и их появление в Уфимском уезде, сопровождавшееся нападениями на местное ясачное население. Так, осенью этого года в Тамьянской волости появляется ойратский отряд в 100 человек из улуса тайши Сенгила. Их нападению подверглись две башкирские деревни Тамьян и Кузубаев, 13 человек были убиты и 25 взяты в плен. Один из захваченных в плен башкир, Кузей Кулмаметев, напоминал этим людям о шерти, которую дали в Уфе послы Байбагаса, причем перечислив их имена. Указанным ойратам почему-то ничего не сказали эти имена, но признались, что у Байбагаса в улусе находятся двое неизвестных башкир, которые приходили к тайше за выкупом своих людей. До весны 1623 г. Байбагас оставил их зимовать у себя в улусе, чтобы затем отправить их со своими послами к государю.

Этой же осенью на «зверовье» в Среднем Юртыке, в 4-х днях пути от Тюмени, были взяты в плен Тагалай-тайшею четверо тюменских татар. Этот мелкий владелец возглавлял отряд в 50 человек и перед ним, по всей видимости, стояла задача – захватить «языка», чтобы потом отправить его в Тюмень с просьбой к воеводам прислать послов к Хо-Урлюку. Были свидетельства служилых людей о конских «сакмах» немногочисленных ойратских отрядов по 20–40 человек в Тюменском уезде.

Все-таки главной целью тайшей в это время были не ясачные татары или башкиры, а ногайские улусы. Именно в западном направлении двигались эти немногочисленные ойратские отряды. Конфликт с уфимскими властями существовал только у сибирского царевича Ишима. В то время как тайши стремились поддерживать с Уфой мирные отношения, откуда, например, недавно вернулись их посланцы, то представитель Ишима, татарин Теникей, был там по неизвестным причинам задержан. Это даже вызвало напряженность в отношениях между царевичем и тайшами, поскольку те отказались его поддерживать в организации набегов на Уфимский уезд в отместку за задержку посланца. Царевич в это время кочевал со своим тестем – торгутским Хо-Урлюком.

К концу 1622 г. большинство ойратских тайшей во главе с Байбагасом с улусами прикочевали к реке Тобол, в район между Тюменью и Уфой, в двух днях пути от Уфимского уезда. Ранее ойраты никогда не кочевали в такой близости от этого уезда. Алтын-хан продолжал теснить их улусы, и большинство мелких тайшей с улусными людьми находилось против него на заставе.

В условиях военного противостояния и тяжелого положения на тот момент у ойратов существовало строгое указание старших тайшей: ни в коем случае не трогать башкир. Это видно на примере показаний башкира Едигера, который на Хама-Карагае случайно столкнулся с отрядом из 40 человек тайши Куралая. И хотя со стороны тайши были претензии к башкирам, что те якобы в ходе охоты за зверем вторгаются в их вотчины, но сам признавался в наличии действовавшего на то время запрета со стороны тайшей нападать на башкир.

Слухи о появлении ойратских улусов в непосредственной близости от Тюменского и Уфимского уездов в свою очередь подтолкнули местных воевод предпринять меры по установлению контактов с тайшами. Примерно в конце 1622 г. или начале 1623 г. из Тюмени и Тобольска были направлены посланцы во главе с боярским сыном Дмитрием Черкасовым в Верхний Утек, где по некоторым данным якобы кочевал улус Далай-Батура. Однако в указанном месте тайши не оказалось, и посланцы, направляясь вверх по Тоболу, на реке Обуга случайно столкнулись с отрядом Карадая (Карабука) из владения тайши Зенгула. Оказалось, что Далай-Батур кочует у Пеньих гор, на бывших казахских кочевьях, а в этом районе кочуют мелкие тайши: Бобуга, Кузенек, Каназар, Кагул и Кага. Двигаясь вверх по Обуге посланцы в сопровождении Карадая, который согласился их проводить до тайшей за 5 аршин сукна, через 10 дней достигли улусов Бобуги, Кузеняка и Каназара.

Следуя наказу тобольского воеводы М. Годунова, посланцы стали призывать указанных тайшей под «царскую руку»: «а на государеве бы вам земли, тайшам, не кочевати, и на государевы волости с войною не приходи, и на зверовье зверовщиков не побивати, не грабити, и вам бы, тайшам, на том государю шертъ дати и утвержение по своей вере». Но ответ этих трех мелких тайшей заставил посланцев

врасплох: «мы, тайши, кочуем по своей земле, а не по государеве, а под государевою де рукою мы не хотим быти, хотим де мы з государевыми людьми воеватца». После этих слов посланцы были ограблены, и над ними даже нависла угроза убийства, поскольку были обвинены во лжи. Неизвестно, чем бы закончились эти угрозы, если об их приезде не услышал тайша Зенгул и не забрал их к себе в улус.

Во владении этого тайши посланцев встретили более гостеприимно. Выслушав их речь, по содержанию аналогичное, что было высказано ранее трем тайшам, Зенгул попросил Черкасова передать воеводам следующие слова: «Скажи де ты, Дмитрий с товарищи, боярину и воеводам: кочевал де я меж Тарского города и тобольских уездов и тюменских де зверовщиков всегда видал, и я де им дурна никоторого не учинил; да коли б де я похотел воевать государевы волости, и я бы де, не боясь, под город, а под которой подшел, хлеб бы вытоптал, и сена выжег, и деревни б все вывоевал, токо бы де один город остался. И я де не хочю з государевыми воеватца людьми, под его царскою высокою рукою быти хочю де, как наши большие тайши с нашими бояры и с воеводами ссылаю[т]ся, и я де тако ж хочю быти под государевою царскою высокою рукою, как и те тайши». После этого тайша дал шерть Черкасову на царское имя, «что ему, Зенгулу-тайше, государевы города с войною не приходити, и на зверовьях зверовщиков не побивати и ни грабити, и на государеве земле не ставати». Обратнo с тюменскими посланцами Зенгул отправил в Тюмень двух своих представителей.

Находясь в улусах, посланцы от полоняников узнали, что старшие тайши, Далай-Батур и Чокур, строго указали мелким тайшам, «чтоб с государевыми сибирскими города не воевались». В это время у ойратов в самом разгаре была война сразу на нескольких направлениях: с Алтын-ханом, бухарцами, ногайцами и «промеж де собою у тайшей война есть». Все эти обстоятельства заставляли тайшей держаться ближе к сибирским городам и сохранять мирные отношения с царскими властями. Но об истинном положении этой группировки мелких тайшей, куда, помимо Зенгулы, в том числе входили еще Киндян, Бабуга, Исеняк, Кусеняк, Чалым и Каназар, случайно узнал юртовский татарин Карабаш Ишимов. Как оказалось, эти тайши были бли-

же к Тюмени после того, как участвовали в набегах на Барабинскую волость Тарского уезда, где погиб родной брат Зенгулы. Дискредитировав себя в глазах тарских властей и старших тайшей, они перебрались ближе к Тюменскому уезду, с властями которого тот Зенгул пытался наладить отношения, хотя, как мы видим, это не имело полную поддержку среди его соратников. Старшие тайши во главе с Далай-Батуром не только осудили их преступные действия против тарских волостей, но и наказали некоторых из них. Так, некоего тайшу Кагая, также участвовавшего в этих набегах, Далай-Батур ограбил, а его брата казнил. По всей видимости, неформальным лидером в этой группировке был Зенгул, который, в отличие от своих соратников, колебался насчет продолжения политики набегов на царские земли. Уже на новом месте кочевания их набегу подвергся Уфимский уезд, о чем свидетельствовало наличие уфимских пленников, которых они не отдавали на выкуп. Но при подготовке следующего набега на тот же уезд, когда они уже «наряжались», неожиданно к ним прибыло посольство Черкасова, что не только отменило нападение, но и склонило Зенгула к изменению своей политики в пользу мирного сосуществования с государевыми людьми.

В течение первой половины 1623 г. Зенгул продолжал надеяться на присылку к нему отдельного посольства из Тюмени. При этом торговые отношения уже существовали, по крайней мере, казанские татары могли беспрепятственно приезжать к нему в улус для торговли. Именно через них он угрожал тюменским властям, если те не пришлют к нему послов. Столь воинственные их настроения основывались на том, что Тюмень якобы была удалена от других городов, а население в уезде сильно рассредоточено. К этой же группировке примыкал и царевич Ишим.

Улусы указанных тайшей кочевали по Ишиму, а в верховьях реки располагались улусы Хо-Урлюка и Чокура. Практически большинство ойратских улусов располагалось в междуречье Иртыша и Ишима, по Камышлову, где содержался основное поголовье скота и имущество, а также семьи. С начала 1623 г. происходит активная подготовка ойратов к началу новой военной кампании против Алтын-хана, о чем сообщали многочисленные свидетели.

Военные действия шли с переменным успехом, ситуация в степи быстро менялась. Войскам Алтын-хана и казахского хана Есима, заключившим между собой антиойратский союз, не удалось добиться решительного перевеса в войне и окончательно разгромить ойратов. Потерпев поражение в первых сражениях с неприятелем, ойратские правители смогли организовать успешное сопротивление агрессии. Ойратские улусы кочевали по Камышлову, в 10 днях пути от Тюмени.

В Уфе внимательно отслеживали информацию о каких-либо передвижениях ойратских улусов в степи, поскольку угроза новых набегов сохранялась. Чтобы поставить в известность старших тайшей о набеге ойратов осенью 1622 г., уфимским воеводой Григорием Васильевичем Измайловым были направлены к Далай-Батуру, Хо-Урлюку, Чокуру и Байбагсу в начале мая 1623 г. боярский сын Василий Волков и толмач Федор Дербышалеев. Только через месяц, в начале июня, они достигли улуса дербетского тайши Мангита, в 5 верстах от Итыковой горы. Уфимские посланцы рассказали тайше о цели своего приезда, что они присланы с грамотой к старшим тайшам и претензией на нарушение шерти, данной ими в Уфе в прошлом году, и продолжающимися набегам. Однако ни Далай-Батура, ни других старших тайшей в улусах не оказалось, так как те за 19 дней до приезда Волкова с войсками направились на войну против Алтын-хана, причем военный театр действий находился слишком далеко, в двух месяцах пути.

На предложение Мангита приехать к нему на стан, чтобы официально вручить грамоту, Волков это сделать отказался. Тайша был вынужден пойти на уступку и самому приехать к ним на стан. В ходе беседы они сумели найти общий язык, и Мангит честно признался Волкову, что ранее из сибирских городов и с Уфы к ним посланцами «дети боярские» не приезжали, а только казаки и служилые татары.

Посланцы все-таки вручили Мангиту грамоту и передали наказ воеводы, что осенью прошлого года на ясачные башкирские волости совершил нападение Зенгул-тайша и «башкирцев побил, и жон их и детей в полон поймал». Все это шло в нарушение той шерти, которую ранее дали в Уфе представители старших тайшей, причем за всех ойратских владельцев и улусных людей. Волков еще раз напомнил Мангиту о главном условии этого договора, чтобы им, тайшам, быть под

государевою высокою рукою и на Уфимской уезд и на башкирские ясачные волости войною не приходить.

На это обвинение Мангиту пришлось лишь ответить тем, что Зенгул принадлежит к другому племени – джунгарскому, а они с братом Далай-Батуром – выходцы из дербетского улуса. Этот тайша посчитал, что вправе в отсутствие старшего брата вести переговоры. С целью укрепить прежние договоренности Мангит еще раз «шертовал» за себя, за старшего брата Далай-Батура, Хо-Урлюка, Илтеря, Шуклея, Кульбосара, Тангирия, Текеля, Шаракуба, Кубоня, Мапшира, Мойдара, Вчемергеня, Волбуя, Илдана, Кундербея и «за всех дюрбенских тайшей 30-ти улусов» на том, что «им, тайшам, быть под государевою высокою рукою и на Уфинской уезд на башкирские волости войною не приходити и улусных своих людей не посылать». Дербетские тайши также должны были хошутских, торгутских, джунгарских, батудских и хойтских владельцев и царевича Ишима «наговаривать» на те же условия, что были оговорены в шерти. В случае неподчинения царевича Ишима, то его, поймав, отдать «в государевы города». «Шертовальная запись» была подготовлена заранее и прислана ранее в Уфу из Тобольска от воеводы Матвея Годунова.

Миссия посланцев в дербетском улусе длилась в общей сложности 6 недель и 2 дня. Было достаточно времени, чтобы обсудить все вопросы и накопившиеся проблемы в русско-ойратских отношениях. Это касается и тайши Зенгула, которому Волков просил отправить уполномоченного, чтобы тот вернул в Уфу весь захваченный башкирский полон. Речь шла о 50 полоняниках, в основном это были женщины и дети. Мангит пошел навстречу, но, когда вернулся его человек от Зенгулы, стала известна одна деталь, объяснявшая причину его нападения на башкирские волости. Как оказалось, этот тайша изначально намеревался установить мирные отношения с Уфой, но в одной из стычек башкиры убили его брата. Это и стало причиной того, что Зенгул «за того своего брата их, башкирцев, воевал и жон их и детей в полон имал». Он готов был отдать уфимским властям башкирский полон, но только за определенный выкуп и только после того, как к нему приедет из Уфы представитель для переговоров. Позже в своей отписке в Приказ Казанского дворца Волков упомянул, что Зенгул вернул ему полон.

В продолжение переговорного процесса Мангит собрался было отправить двух своих людей вместе с Волковым в Уфу, погнав туда на продажу из трех улусов по 500 лошадей. Но в это время к нему прибыл тобольский слободской татарин Урмамет Исермаметев, который ранее ездил в Уфу в составе посольства от Байбагаса. Около полугода они насильно там удерживались. Урмамет предупредил Мангита об опасности, которая может ожидать там его людей. Только на основе полученной этой информации тайша отказался от идеи отправки «конского базара» в Уфу.

В начале августа 1623 г. Волков вместе с дербетскими посланцами прибыл в Уфу. Представителей от тайши Мангита было теперь не двое, а трое — это Елгутай Мензибаев, Каракай Кайдерев и Байболда Байбов. Если первые двое были официальными посланцами от тайши, то третий являлся всего лишь наблюдателем. Их поселили за пределами острога, на Ногайском базаре, прикрепили к ним пристава и толмача и снабдили продуктами.

Новый уфимский воевода Семен Гаврилович Коробьин приказал поставить шатер на площади, за пределами города, и выстроил возле него всех служилых людей «по посольскому обычаю». 3 августа воевода официально принял здесь дербетских послов. На переговорах стороны затронули все те же вопросы, что и ранее в улусе Мангита, особенно про прошлогодний набег тайши Зенгулы в Уфимский уезд. Послы еще раз объяснили, что дербетских владельцы не могут отвечать за действия джунгар, и они до сих пор придерживаются своей шерти и ее не нарушают. В подарок воеводе посланцы от своего тайши преподнесли двух разномастных коней: серого и гнедого. На просьбу дербетов и следуя царскому указу, воевода в сопровождении В. Волкова отправил их в Москву. Третьего посланца, Байболду, в сопровождении толмача Якушки Кондратьева отправили обратно к Мангиту. Толмачу поставили задачу – разведать ситуацию в ойратских улусах, особенно это касалось результатов военных действий ойратов против Алтын-хана.

Можно сказать, что с этого времени Уфа становится главным центром во взаимоотношениях с ойратами, отодвинув на второй план Тобольск и Тюмень. Это видно на основании царского указа о запрете пропускать в Москву послов от ойратских тайшей и Алтын-хана.

Уфимскому и тобольскому воеводам указывалось на месте рассматривать все вопросы, а затем обратно отпускать их в улусы. Эта новая политика по отношению к ойратам была определена, конечно, царской администрацией. Все материалы по «калмыцким делам» были переданы из Посольского приказа (руководитель – князь Иван Михайлович Воротынский) в Приказ Казанского дворца (руководитель – дьяк Ефим Телепнев).

В плане торговли с ойратами также существовали ограничения. Например, тобольскому воеводе разрешалось покупать у ойратов лошадей, но строго запрещалось продавать им оружие: самопалы, сабли, рогатины, копья, топоры, ножи, саадаки, стрелы и «иногое никакого ружья». Присмотр за ойратскими посланцами и торговцами в государевых городах был строгий, им не давали возможности рассматривать крепостные сооружения и в городе их старались долго не держать. Рекомендовалось воеводам принимать также от тайшей подарки или «поминки». Взамен предлагалось давать им в качестве жалованья сукна и однорядки, ответные подарки тайшам должны были соответствовать размеру от них присланного. Строго запрещалось местным властям насильно отнимать подарки у ойратских посланцев и чинить произвол на торгах.

Столь суровые ограничения со стороны царских властей, особенно в военном плане, можно объяснить лишь усилением военно-политической активности ойратов, их успехами в противостоянии с казахами, ногайцами и Алтын-ханом, а также значительным расширением кочевий в западном направлении. С этого времени ойратские тайши от роли притесняемых и гонимых постепенно переходят на позицию источника грозной военной силы.

Судя по тому, что сведения о военных действиях между ойратами и восточными монголами после 1623 г. в русских документах не упоминаются, можно предположить, что в войне между враждующими сторонами наступило довольно продолжительное затишье. Из ойратских источников известно, что ойраты добились решающего успеха в многолетней войне с Алтын-ханом. События 1623 г., описанные в «Повести о том, как дурбэн-ойраты нанесли поражение монголам» («Дөрвн өөрд монһлыг дарсн тууж оршв») стали кульминационным

моментом военного противостояния ойратов восточным монголам. По мнению японской исследовательницы Джунко Мияваки, «господство халха-монголов продолжалось до 1623 г., когда объединенные войска дурбэн-ойратов сражались и убили халха-монгольского Убаши-хунтайджи или Алтына-царя, как он называется в русских источниках, и таким образом вернули себе независимость».

Действующий в «Повести» монгольский Убаши-хунтайджи — это не кто иной, как халхаский князь Шолой-Убаши-хунтайджи, первый из династии Алтын-ханов, который погиб в сражении с ойратами в 1623 г. Ставка Алтын-хана располагалась на берегу озера Убсу-Нур или в долине р. Тес, где ее посещали посланцы сибирских воевод. К 1623 г. Шолой-Убаши-хунтайджи находился на вершине своего могущества. В этом же году он выступил в поход против ойратов во главе 80-тысячного войска («восми тем-тумэнов»), из которых 65 тыс. воинов были его собственные, а остальные 15 тыс. принадлежали его союзнику – урянхайскому правителю Сайн-Маджигу.

Перед лицом грозившей им опасности правители ойратских улусов вынуждены были совместными действиями противостоять общему врагу. Они выставили объединенное 50-тысячное войско, в которое входили 30-тысячная дружина хошутского правителя Байбагас-Баатура, 6 тыс. джунгаров, 4 тыс. хойтов и дружины двух торгутских князей из юго-восточной группировки Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ (8 тыс. воинов) и Сайн-Сэрдэнги (2 тыс. воинов). В этом списке ойратских князей отсутствуют имена торгутского тайши Хо-Урлюка и дербетского тайши Далай-Батура. Неизвестно, что помешало двум правителям из северо-западной группировки принять участие в решающем сражении с Алтын-ханом. По всей видимости, они прикрывали ойратские кочевья с казахского направления, откуда постоянно исходила угроза возможного нападения.

В объединенном ойратском войске наиболее многочисленной была дружина хошутского правителя Байбагаса, одновременно стоявшего во главе Ойратского чуулгана и общеойратского войска. Поэтому как «старший и лучший», один из «пяти тигров» он удостоился самых хвалебных слов от автора «Повести». О «хошутском хане Байбагасе» сказано: «Бранных потех он любитель большой. Войска

за ним „тридцать тысяч идет, в юрте-дворце своем дело ойратской державы и веры он судит“. Однако могущество Байбагаса оказалось не столь уж прочным. Рядом с ним постепенно набирал силу другой ойратский правитель – джунгарский тайша Хара-Хула, под началом которого находились «шесть тысяч удалых молодцов». О нем в «Повести» сообщается: «Взглядом похож на голодного коршуна, всею повадкой — на куцега волка, как на заре он в отару ворвется. Да и дружина нойону подстать».

Театр боевых действий с Шолой-Убаши-хунтайджи развернулся в долине р. Иртыш. Войско Алтын-хана, отягощенное захваченным у ойратов скотом, было в конечном итоге настигнуто ойратским войском: «Убаши-хун-тайджию ни податься вперед, ни тронуться назад: на месте зажали». Местонахождение противника сообщил ойратам урянхайский Сайн-Маджик, покинувший своего монгольского союзника еще до начала военных действий. Кровавое сражение длилось три дня. Монгольский правитель перед боем приказал принести в жертву своему черному знамени захваченного в плен семилетнего ойратского мальчика, что вызвало ожесточение у ойратов. Тем самым он нарушил заключенный между ойратами и монголами в 1606 г. договор, согласно которому запрещалось убивать взятых в плен «языков». Видя неминуемую гибель своего войска, Шолой-Убаши-хунтайджи обратился в бегство и был убит ойратским нойоном Сайн-Сэрдэнги.

Поражение Шолой-Убаши-хунтайджи позволило ойратским тайшам окончательно избавиться от власти Алтын-ханов. Одержанная ойратами победа еще раз доказала им необходимость сплочения, преодоления разногласий и достижения полного единства на все время, а не только в исключительных случаях, перед лицом общей опасности. В то же самое время перемирие, достигнутое в войне с внешними врагами, выявило внутренние противоречия в ойратском обществе. До этого антагонизм между отдельными группировками ойратских князей не доходил до кровопролитных вооруженных столкновений. Объединившееся для отражения вражеского нашествия ойратское общество снова раскололось на враждующие группировки. Внутренняя борьба, отошедшая на второй план во время монголо-ойратской войны, разгорелась с новой силой.

2.4. Русско-ойратские отношения в 1624–1625 гг.

1624 год был относительно благополучным в русско-ойратских отношениях. Заметно активизировалась торговля между ойратами и сибирскими городами, участился обмен посольствами. В начале июля в Тюмень от Далай-Батура прибыли его представители – Кунай Будаев и Сама Мунаев с тремя сопровождающими. С ними приехали и ранее отправленные к тайшам тюменские служилые люди – Василий Трубачев и Иван Федоров. Приехавшие ойраты привезли с собой «трухменский ясырь», чтобы обменять его на своих людей, оказавшихся в русском плену, а также пригнали на продажу лошадей. От Далай-Батура посланцы преподнесли государю в подарок гнедого коня.

По сообщению тюменских служилых людей, ездивших в улусы, Далай-Батур с царевичем Ишимом и тайшами, входивших в его группировку, незадолго до этого ходили в поход в Среднюю Азию, против туркменов. Таким образом, мы видим, что группировка Далай-Батура успешно действовала на южном направлении, в то время как Хара-Хула и его соратники сдерживали наступление Алтын-хана с востока. Упоминание в документе «турхменцов» (туркменов), скорее всего, говорит о походе ойратов на территорию Хивинского ханства.

В Тюмени воеводы были информированы о неоднократных угрозах сибирского царевича Ишима совершить набеги на государевы земли, в отместку за разгром русскими людьми его отца и братьев. Поэтому из Москвы пришло указание, чтобы всех приехавших в Тюмень ойратов с посольской или торговой миссией на долгое время не задерживать и отправлять их обратно, выдав им в качестве жалованья по «портищу сукна лятчины». К тайшам также предполагалось отправить подарки, а Далай-Батуру – 4 аршина английского сукна. Ойратских послов просили передать тайшам, чтобы они впредь присылали лошадей на продажу и другие товары не в Тюмень, а Тобольск, где государь велел им «торговать повольно». В то же время тюменским властям указывалось быть готовыми и к неблагоприятному развитию ситуации.

Тобольск, действительно, оставался главным центром в отношениях с ойратами. Местные власти, по государеву указу, пытались окончательно урегулировать это направление путем выдачи ойратам их пленных, захваченных тарскими служилыми людьми в 1623–1624 гг. Инициатива исходила с ойратской стороны, конкретно — от Далай-Батура, который для решения этого вопроса прислал в Тобольск своих людей во главе с Усейном. Оказалось, что от ответных силовых действий русской стороны пострадал улус Далай-Батура, поэтому его представитель на переговорах с тобольским воеводой Юрием Сулешовым прямо ему это заявил.

Нападению кочевников ранее подвергся Тарский уезд. Более всего пострадали две деревни в районе Красного Яра. У многих государевых людей были отогнаны лошади, а ясачные люди подверглись просто открытому грабежу на «зверовье», которые сопровождались убийствами. Царские власти были в недоумении, почему тайша Далай-Батур, который «в Колмацкой земле славится большим», т. е. главным или наиболее авторитетным правителем, подобные преступные набеги на государевы земли, активными участниками которых были царевич Ишим и «калмыцкие люди», «таких воров от такова воровства не унимает». По словам сибирского воеводы, при всем этом царь Михаил Федорович не велел трогать калмыцких тайшей и указал вернуть полон.

По государеву указу воевода Сулешов собрал весь калмыцкий полон и в сопровождении крещеного татарина Якуна Буголакова отправил прямо к Далай-Батуру со всеми теми претензиями, которые были упомянуты выше. Всего дорога из Тобольска в улусы заняла 4 недели, и в начале августа 1624 г. Буголаков прибыл в ставку дербетского тайши, находившуюся в районе горы Арбула. На аудиенции у Далай-Батура Буголаков передал ему жалованье – сукно, а также претензии русской стороны по поводу недавних набегов. Тайша в знак уважения принял государево жалованье и выслушал речь посланца демонстративно стоя. Оказалось, что набег на Тарский уезд совершили улусные люди братьев джунгарского Хара-Хулы, который, по словам Далай-Батура, «сам своим улусом кочует, ему, Талай-тайше, унять не уметь». Царевич Ишим в это время на-

ходил под влиянием хошутского Чокура и кочевал вместе с ним. Дербетский тайша честно признался, что бессилен в разрешении этого конфликта: «Ишима-царевича потому ж от воровства унять не уметь, волен де бог да государь с ними, а он де за воров стояти не станет». Возвращение «калмыцкого полона» был воспринят тайшей как добрый знак в урегулировании отношений, и со своей стороны он также пообещал собрать в улусах всех «государевых ясачных людей», захваченных ранее в Уфимском уезде, и прислать к государю. По совету Далай-Батура, Буголаков решил зазимовать у него в улусе на полном довольствии.

В середине июля 1624 г. в дербетские улусы также были отправлены казак Филипп Вяткин, татары Овер Чекеев и Алмамет Ебанчеев. В дороге тобольским и дербетским посланцам пришлось перенести ряд трудностей, так как после переправы через реку Ишим у них пали лошади. На оставшихся лошадях они отправили к Далай-Батуру гонцов за помощью, что всего у них заняло у них времени ожидания полтора месяца. И, несмотря на то, что улус дербетского тайши кочевал далеко на юге, возле Казахской орды или в трех неделях пути от Бухары, помощь все-таки пришла, и посланцы благополучно добрались до конечной цели. Улусы Далай-Батура и его детей кочевали в Средней Азии, на реке Юнкеле.

Тобольские посланцы остановились не в улусе самого Далай-Батура, а во владении его сыновей – Даян-Омбо и Мандышара. На переговорах с тайшами посланцы объяснили, откуда у них появился указанный калмыцкий полон, за который отвечал крещеный татарин Якун Буголаков. По указу из Москвы тобольским властям было велено передать ясырь без какого-либо выкупа именно дербетскому Далай-Батуру со словами: «А тарские служивые люди ходили войною по задору их колмыцких людей, что они приходили в Тарской уезд в государевы ясачные волости и у волостных людей лошади отогнали и на зверовье государевых ясачных людей переграбили, а иных побили. Да и по вся годы государев изменник Ишим-царевич и колмыцкие люди государевы волости воюют и государевых ясачных людей в полон емлют». Тобольские представители просили передать Далай-Батуру, видимо, как главному гаранту с ойратской стороны,

чтобы он наказал нашел и виновников, а царевича Ишима поймал и выдал царским властям.

На месте выяснилось, что дербетские улусные люди не имели никакого отношения к набегам на территорию Тарского уезда. Даян-Омбо и Мандышара при этом признали, что Далай-Батур, при всем его авторитете в ойратском обществе, был бессилён воздействовать каким-либо образом на тех тайшей, которые совместно царевичем Ишимом периодически совершали подобные набеги на государевы земли. Свою непричастность к набегам дербетские тайши подкрепляли и отсутствием в их улусах «государевых русских и ясачных людей», но в случае их обнаружения обещали, что отец их, Далай-Батур, все вернет.

Всего миссия тобольских посланцев в дербетских улусах заняла шесть с половиной месяцев. По словам посланцев, прием их у дербетов был вполне приличный: «и честь де им и береженье было и корм довольной». Правда, все их личные вещи были отобраны, но взамен им были обещаны при отъезде лошади. Далай-Батур и хошутский Байбагас с улусами кочевали на границе с кочевьями Казахской орды, где и провели зимовку 1624/1625 гг. Именно отсюда они готовились с войсками вторгнуться в пределы казахских кочевий. Была возможность воспользоваться существующим на тот момент конфликтом между братьями, казахским ханом Есимом и бухарским правителем Турсуном, готовым перерасти в вооруженное столкновение. Но благоразумие взяло верх, и между братьями «учинился мир», что лишил ойратов возможности воспользоваться ситуацией.

С началом весны 1625 г. Далай-Батур с детьми перекочевал в урочище Козлык, откуда и отпустил Якуна Буголакова с ранее приехавшим к нему юртовским татаринном Тогаем Кулурусовым в урочище горы Итык, где располагалось владение его «лучшего человека» – Саусуна. Здесь тобольчанам вместе с двумя дербетскими посланцами и торговыми людьми, которые должны были в Тобольск пригнать на продажу тысячу лошадей, было указано ожидать приезда Далай-Батура в течение 15-ти дней. Дербетский тайша в это время выехал в улус Чокура, чтобы попытаться разрешить там вспыхнувший внутренний конфликт среди хошутов, при этом взял с собой и татарина Якуна

Буголакова. По приезду на Итык он обещал тобольским посланцам возместить все их потери и вернуть в Тобольск весь русский ясырь. Прождав Далай-Батура полтора месяца, но так и не дождавшись, посланцы выехали в Тобольск, но без дербетских представителей, так как те по неизвестной причине вернулись обратно к себе в улус. Дорога домой у них заняла всего 3 недели и, проезжая через улусы, посланцы слышали от ойратов, что кочевать им теперь вверх по Ишиму и Тоболу.

Постоянное присутствие угрозы возможного возникновения конфликта с ойратами на границе толкали сибирских воевод отслеживать передвижения их улусов и настроения тайшей. Несмотря на то, что посланцы Далай-Батура так и не приехали в Тобольск, однако посольские контакты ойратов с сибирскими городами продолжались. В начале 1625 г. в Тобольск прибыли посланцы от брата Далай-Батура, Эрке-Елдена, которых возглавлял Тересун. Воевода Юрий Сулешов от тайши «с честью» принял в подарок коня и взял на полное довольствие его посланцев, предоставив им «повольный торг». В конце апреля в улусы с ними «для проводыванья всяких вестей» были отправлены казак Степан Выходцов, татары Якун Сарбашов Елок и Бугай Шапкадаев. Улус дербетского тайши они обнаружили у реки Козлык. При встрече тобольские посланцы передали тайше жалованье – сукно и слова воеводы, чтобы тот посылал в Тобольск своих послов и на продажу скот и лошади. Всего он пробыл в улусе Эрке-Елдена три дня, так как тому вскоре пришлось срочно выехать к старшему брату для разрешения конфликта в хошутском доме. При отъезде тайша им пояснил, почему с ними в Тобольск послов своих не отправляет, так как между калмыцкими тайши началась война. Только после того, как тайши примирят хошуты, Эрке-Елден обещал прислать своих представителей в Тобольск. Прожив после его отъезда из улуса еще 4 дня, мать тайши отпустила посланцев обратно домой, отправив с ними и торговых бухарских людей, приезжавших с Выходцовым из Тобольска торговать в ойратские улусы.

В начале августа этого же года в Тобольск прибыли посланцы хошутского тайши Чокура – Откулай, Мерген, Уратай и Чилгулиай с пятью сопровождающими лицами, которые пригнали с собой на

продажу 96 лошадей. Все они были взяты на полное государственное довольствие. На следующий день после приезда тобольский воевода Мирон Андреевич Вельяминов принял посланцев Чокура.

Оказалось, что незадолго до этого в улус Чокура из Тобольска для торга приезжали бухарские купцы – царские подданные. Позволив им распродать весь свой товар, хошутский тайша, под предлогом их безопасного сопровождения, воспользовался возможностью отправить вместе с ними в Тобольск и своих торговых людей с лошадьми. В подарок к государю тайша прислал коня серой масти. Тобольские власти благосклонно отнеслись к этой идее и, позволив посланцам распродать лошадей, без какой-либо задержки отпустили обратно. Хошутские люди были встречены весьма приветливо и им было выдано жалованье. При отъезде воевода и дьяки через посланцев передали Чокуру: «чтоб он на государскую милость был надежен и государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержцу служил и прямил и послов своих и торговых людей в Тобольск с лошадьми и со всяким скотом присылал». В этом случае русская сторона обещала дать ойратам «повольный торг» и «отпуск скорой без задержанья».

В августе 1625 г. отмечаются новые свидетельства о появлении ойратов в Тарском уезде. Ясачные люди неоднократно просили защиты и жаловались тарскому воеводе Степану Исленьеву на то, что неизвестные ойратские люди отнимают «зверовые добычи и рыбные ловли», что приводило татар к бегству. Однако действующая еще с прошлого года инструкция тобольского воеводы Юрия Сулешова запрещала отправлять воинские отряды против ойратов.

Направляясь вверх по Иртышу, в двух днях пути от Тары, на реке Саргатке отряд Жедовского обнаружил первые станы улусных людей, которые в расспросе сообщили, что они владения торгутского Хо-Урлюка, а сам их тайша кочует на Камышлове. Торгутский тайша понимал, что его улусные люди находятся незаконно на государевой земле, но вступать в открытую конфронтацию с тарскими служилыми людьми не собирался, так как по недавним событиям знал силу их оружия. Поэтому Хо-Урлюк пытался урегулировать этот вопрос путем переговоров.

5 октября 1625 г. в Тару прибыли торгутские посланцы во главе с Чютюндеем, Кундеем, Конаем и Чюнием. С ними были и торговая миссия из 56 человек, пригнавших на продажу 400 лошадей. Посланцы от имени Хо-Урлюка просили разрешить вопрос о территории кочевий: «чтобы великий государь Урлюка-тайшу пожаловал, велел ему быти под своею царскою высокою рукою и кочевать ему велел на своей государеве земле по обе стороны Иртыша по речкам по Камышлову и по Оми». Торговый фактор должен был обеспечить дальнейший переговорный процесс. Посланцы просили царские власти направить к Хо-Урлюку «государевых послов» с «государевым жаловальным словом» с указанием территории кочевий. Но тарские власти отказали торгутским посланцам, мотивировав это тем, что на тех землях ужи живут ясачные люди и добывают «государеву ясашную казну».

Получив отказ, посланцы предложили тарскому воеводе уже другой вариант. Теперь речь шла о территории еще выше по Иртышу, на реке Каратуне. Ответ о территории Хо-Урлюку был обещан позднее: «с государевым милостивым словом, что быти ему под царскою высокою рукою и где ему на государевой земле кочевать, государевых людей пошлем». Посланцы были взяты на полное довольствие, а торговым людям было позволено распродать лошадей. Государева пошлина с них не взималась, а вот с государевых людей, покупавших у калмыков лошадей, бралась в полном размере.

В начале ноября 1625 г. из Тары к Хо-Урлюку отбыли его посланцы в сопровождении государевых служивых людей – литовца-казака Войки Костентинова с тремя товарищами. В качестве заложников в Таре были оставлены двое из четырех послов. В качестве главного условия в решении территориального вопроса со стороны царских властей было следующее: «А он бы, Урлюк-тайша, великому государю правду свою показал по своей вере и своими улусными людьми перед государевыми людьми шертовали на том, чтобы быти им под царскою высокою рукою навеки неотступно».

К сожалению, нам не известны все результаты этой поездки, поскольку они не отложились в документах. Известно только, что в начале декабря из улусов вернулся один из сопровождающих Костен-

тинова – юртовский служивый татарин Кокаган Досмаматов. С ним прибыли и двое представителей Хо-Урлюка, которые сообщили, что из-за наступившей ранней зимы тайше пришлось русских посланцев задержать у себя в улусе, так как с ними предполагалось отправить в Тару и торговых людей с «продажными лошадьми». В это время торгутский улус кочевал напротив Каратунского урочища, в 10 днях пути от Тары.

Таким образом, 1625 г. был отмечен многочисленными посольскими контактами ойратских тайшей с Tobольском. Помимо политических вопросов, решались одновременно и торговые. Например, в составе русских посольств часто перечислялись имена и бухарских торговых людей из числа подданных русского царя. Понятно, что посольские миссии были удобной возможностью для бухарцев побывать в ойратских улусах и провести там какие-либо торговые операции. Но и в составе ойратских посольств присутствовали торговые люди, по указу тайшей гнавших на продажу в Tobольск лошадей. Очевидно, что русско-ойратские отношения в этот период строились на прочной и взаимовыгодной экономической основе.

Единственным «камнем преткновения» в этих отношениях были грабительские набеги отдельных тайшей против государевых ясачных людей, что приводило к ответным силовым действиям сибирских отрядов, от которых, как правило, страдали именно улусы тех тайшей, которые как раз и не были причастны к нападениям. Это еще раз говорит об отсутствии политического единства среди ойратской правящей верхушки, общей позиции в отношении подданных Московского государства и единого законодательного органа, регулировавшего подобные нарушения. Однако надо отдать должное царским властям, которые со своей стороны старались не усугублять русско-ойратские отношения, продолжали поддерживать посольские контакты и пытались разобраться во внутривнутриполитической ситуации ойратского общества. Тем более, что в 1625 г. эти внутренние противоречия приблизились к своей критической отметке, вылившись в кровавую междоусобную борьбу на долгих 5 лет.

Вопросы

1. *Когда был зафиксирован в документах первый контакт ойратов с русскими властями в Западной Сибири?*
2. *Перечислите западносибирские русские города, участвовавшие в переговорах с ойратскими представителями в начале XVII в.*
3. *Какие основные вопросы обсуждались на первых русско-ойратских переговорах?*
4. *В каком году ойратские послы впервые побывали в Москве?*
5. *Какими товарами обменивались ойраты и русские люди в начале XVII в.?*
6. *Какую роль играли кучумовичи в русско-ойратских отношениях?*
7. *Определите позицию главных ойратских владельцев в русско-ойратских переговорах. В чем заключалась их особенность?*
8. *Как развивались русско-ойратские отношения в период войны ойратов с Алтын-ханом в 1620–1623 гг.?*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Батур Убаши Тюмень*. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 125–154.
- Габан Шараб*. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 84–107.
- История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Алматы, 2005.
- История калмыцких ханов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 113–119.
- Леонтович Ф.И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса, 1879.
- Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.; Л., 1936.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сб. документов / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: Сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1974.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. М.; Л., 1938.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1933.
- Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954.
- Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты / пер. с ойрат. Г.Н. Румынцева и А.Г. Сазыкина. СПб., 1999.

ЛИТЕРАТУРА

- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
- Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995.
- Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста, 1993.
- Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.
- Богоявленский С.К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47. № 7. С. 1–28.
- Вернадский Г.В.* Историческая основа русско-калмыцких отношений // Калмыцко-ойратский сборник / под ред. А.Э. Борманжинова, И. Крюгера. Филадельфия, 1966. С. 11–50.
- Веселовский Н.И.* Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. СПб., 1888. С. 365–370.
- Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1964.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009.
- Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966.
- Кичиков М.Л.* Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994.
- Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

- Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII веках // Известия Российской академии наук. № 12–15. 1919. С. 791–822.
- Лыткин Ю.С.* Материалы для истории ойратов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / Сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 390–468.
- Любимов Ю.В.* Миграция западных ойратов в Поволжье и русско-калмыцкие отношения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. М., 2008. С. 46–55.
- Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М., 2002.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2000.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. III. М., 2005.
- Мияваки-Окада Дж.* Джунгарское ханство, которое не было ханством / пер. с англ. Е. Бойковой // Altaika IV. М., 2000. С. 58–72.
- Мияваки-Окада Дж.* Калмыцкие тайши в начале XVII века / пер. с англ. В. Санчирова // Altaika IV. М., 2000. С. 70–77.
- Новолетов М.Г.* Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1834.
- Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
- Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период / под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967.
- Пальмов Н.Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост. А.М. Джалаева. Элиста, 2007.
- Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992.
- Пальмов Н.Н.* Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. I. Астрахань, 1926; Ч. 5. Астрахань, 1932.
- Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXLIV. Отд. 2. 1886. С. 140–170.
- Попов А.* Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1886. Ч. XXII. Отд. 2. С. 17–46.

- Преображенская П.С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 49–83.
- Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010.
- Санчилов В.П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.
- Санчилов В.П.* К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. М., 2011. № 29. С. 67–73.
- Санчилов В.П.* На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения 20–30-х гг. XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. № 2. С. 2–23.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. Кн. VI. Т. 11–12. М., 1991.
- Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002.
- Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки.
- Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
- Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.
- Чулошников А.* Торговля Московского государства со Средней Азии в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып.3. Ч. 1. Л., 1933. С. 61–88.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y., 1992.
- Miyawaki, Junko.* A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1991. Vol. 83.
- Miyawaki, Junko.* Internal Rivalries in the Four Oyirad Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228–260.

Составитель:
Владимир Толтаевич Тепкеев

**ИСТОРИЯ КАЛМЫКИИ:
УСТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-ОЙРАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА**

Учебное пособие

Подписано в печать 30.12.2022.
Формат 60x84/16. Усл. п. л. 5,12.
Тираж 100 экз. Заказ 31-22.

Издательство Калмыцкого научного центра РАН
358000 Элиста, ул. Илишкина, 8